

ГЛАВА V.

Замѣчательная гора. Ъзда руснаковъ. Молодава. Квартира. Сцена на томъ берегу. Пѣвица. Поѣздка въ Старую Ушицу. Хозяинъ. Тысяцкій. Мельницы. Разказъ. Базаръ. Ловкій еврей. Ломачинцы. Пещеры. Еврейская колонія. Калюсъ. Бѣлоусовка. Сокиряны. Наславче. Лядова. Старинная церковь. Путь до Могилева.

Путешествіе отъ Комарова внизъ по Днѣстру берегомъ, кромѣ живописныхъ видовъ, представляетъ еще одну замѣчательно крутую гору, спускъ и подъемъ которой сопряжены съ чрезвычайной трудностью и были бы опасны еслибъ не руснацкія лошади, а болѣе не сами руснаки, обладающіе удивительной способностью взбираться по едва проходимымъ тропинкамъ. На гору или подъ гору руснакъ не разбираетъ ни дороги, ни степени крутизны, и для него ѣхать шагомъ по какой бы то ни было покатости немислимо до того, что приказаніе ваше въ этомъ смыслѣ кажется ему дикимъ. Когда я первый разъ ѣхалъ въ отчаянной таратайкѣ по скалистому берегу Буковины и долженъ былъ спуститься и вновь подняться по одному значительному косогору, мнѣ казалось весьма естественнымъ, что ямщикъ мой остановится и предложитъ мнѣ сойти съ повозки, которой предстояло катиться по крутой извилинѣ внизъ и потомъ, огибая окраину пропасти, взбираться на противоположную стѣну. Но каково же было мое удивленіе, когда худощавый возница, нахлобучивъ покрѣпче баранью шапку, стегнулъ лошаденокъ и въ добавокъ громко крикнулъ на нихъ »тягаря!« съ прибавленіемъ нѣсколькихъ пряныхъ выраженій... Признаюсь, у меня захватило духъ, и я растерялся, не ожидая подобной развязки. Таратайка два раза покачнулась во время этого мгновеннаго спуска, благодаря узкости дороги, подхватывала равновѣсіе, толкаясь о камни, и съ грохотомъ скатилась къ самой окраинѣ пропасти, гдѣ руснакъ употреблялъ все усилія, чтобы дать лошадямъ должное направленіе.

— Тише! ты съ ума сошелъ, сказалъ я, едва переводя духъ. — Можно ли бѣжать съ такой горы.

Руснакъ засмѣялся.

— Се не гора, яка се гора? отвѣтилъ онъ: — се горбочокъ.

А »горбочокъ« былъ такого свойства, что еслибъ руснакъ не держалъ при поворотѣ лошадей или лопнула хоть одна веревочная возжа, то не знаю, въ какомъ положеніи докатились бы наши трупы на дно пропасти. Конечно, тутъ дѣло привычки, и, освоившись съ манерой молдаванъ и руснаковъ, я не боялся уже ни спускаться съ крутизны, ни подыматься на нее маршъ-маршемъ, но въ первое время, надо правду сказать, душа бывала не на мѣстѣ.

Гора, о которой я упомянулъ вначалѣ, извивающаяся наискось крутого берега между селеніями Комаровымъ и Молодавой, выходитъ изъ категоріи обыкновенныхъ какъ по длинѣ, такъ и по значительному углу паденія. Я не погрѣшу противъ истины, если скажу, что спускъ съ Гуть-горы или Крестовой на военно-грузинской дорогѣ не представляетъ столько опасности. Разумѣется, Кавказскія горы гораздо длиннѣе, но онѣ превосходно расчищены, эти же, находясь въ допотопномъ видѣ и на пути не только не торговомъ, а по которому не проѣзжаетъ начальство, никогда не видали, что значать заступъ и лопата. Ухабы на ней такіе, что въ иномъ мѣстѣ колесо дѣлаетъ прыжокъ въ поларшина, и, кромѣ этого удобства, дорога усѣяна разнообразными камнями на разстояніи не меньше полверсты и извивается нѣсколькими замысловатыми зигзагами. Когда я подъѣхалъ къ этой горѣ въ своемъ фургонѣ и остановился надъ первымъ спускомъ, то, признаюсь, задумался — не лучше ли сдѣлать лишнихъ десять верстъ и поѣхать объѣздной дорогой. Но нѣсколько проводниковъ, вышедшихъ заблаговременно изъ Комарова, и приставшихъ къ нимъ руснаковъ изъ Молодавы объявили, что спустятъ экипажъ благополучно. Я посулилъ имъ хорошее вознагражденіе, а самъ отправился внизъ, чтобы не видѣть рискованнаго, по моему мнѣнію, спуска и не быть свидѣтелемъ крушенія фургона, который могъ разбиться со всѣмъ моимъ достояніемъ, не долетѣвъ даже до Днѣстра, цѣпляясь о камни и дѣлая сальто-мортале по необыкновенно крутой покатости. Мнѣ казалось даже, что люди и лошади подвергались опасности, и я рѣшилъ было ѣхать назадъ и поворотить другой дорогой, но руснаки засмѣялись, закурили

трубки, засучили рукава, сняли «манты» (верхнюю одежду), бросили ихъ на камняхъ и приступили къ дѣлу, повидимому, для нихъ самому обыкновенному.

— Да вѣдь вы же сами говорите, что здѣсь никогда не ѣздить большими экипажами, замѣтилъ я.

— А не ѣздить.

— Какъ же вы можете быть увѣрены въ благополучномъ спускѣ?

— Куда же мы возимъ снопы съ поля или сѣно, отозвался пожилой руснакъ изъ Молодавы:—а повозка хоть бы съ сѣномъ штука не легкая.

— И никогда ничего не случалось?

— Какъ не случаться? бываетъ, что и перекувырнется.

— Такъ, значить, нельзя быть увѣреннымъ?

— Все отъ Бога. А вы не безпокойтесь, фургонъ доставимъ благополучно.

Съ этимъ я ушелъ внизъ, и, къ величайшему удовольствію, не болѣе, какъ черезъ полчаса, передо мною стоялъ мой фургонъ въ совершенной цѣлости и исправности, словно и не перескакивалъ съ каменнаго уступа на уступъ по опаснымъ излучинамъ. Разсчитывая, что проводники мои употребили огромныя усилія и что на ихъ рукахъ было все мое состояніе, какъ человѣка, имѣющаго право сказать »omnia mesum porto«, я далъ имъ на шестерыхъ трехрублевый билетъ и поблагодарилъ за услугу. Руснаки пришли въ восторгъ отъ этой суммы, наговорили мнѣ кучу комплиментовъ, но, кланяясь низко, просили — не могу ли я выдать имъ денегъ отдѣльно каждому на руки; я замѣтилъ, что хоть у меня и есть мелочь, но, при ежедневныхъ расходахъ по деревнямъ, мнѣ могутъ встрѣтиться затрудненія, а имъ легко размѣнять и раздѣлиться.

— Нѣтъ, ужъ лучше дайте хоть меньше, только сами насъ подѣлите, сказалъ пожилой руснакъ, снимая шапку: — а-то изъ этого ничего не будетъ

— Какъ не будетъ?

— Разъ, что мы до ночи будемъ разсчитывать, а второе — надо размѣнять въ корчмѣ.

— Такъ что же?

— А то, что нехотя пропьешь лишнее... Ну, положимъ, это не бѣда, а вотъ у насъ въ Молодавѣ, или въ Комаровѣ каждый добрый человѣкъ долженъ жиду-корчмарю: онъ и долъ *отвернетъ* (вычтетъ), да еще припомнить, что какой

нибудь мой родичъ ему долженъ, и не придется получить ни копѣйки.

Убѣжденіе это было довольно основательно, такъ что я рѣшилъ дать проводникамъ каждому по полтиннику.

Большое селеніе Молодава тянется по правому берегу Днѣстра, обставленное съ другой стороны высокими горами, которыя, то нависнувъ голыми утесами, то волнуясь круглыми зелеными холмами, слѣдуютъ прихотливымъ изгибамъ рѣки и придаютъ много красоты деревенскому ландшафту. Нѣкоторые изъ круглыхъ холмовъ поросли вѣтвистыми деревьями, а другіе представляютъ необыкновенно оригинальный видъ, бывъ покрыты сѣтями тропинокъ, вытоптанныхъ стадами — точь въ точь глобусы, испещренные чертежомъ. »Газда« (испорч. молдавская каза ди обшти), т. е. хата, предназначенная для пріѣзжихъ чиновниковъ, была кѣмъ-то занята, и мнѣ отвели помѣщеніе въ домѣ головы, богатаго руснака. Квартира отличная, съ широкими лавками, устланными коврами, съ большимъ столомъ, съ рѣзнымъ шкафомъ, уставленнымъ разной посудой, и съ чѣмъ-то вродѣ этажерки, на которой въ пыли и забвеніи лежало нѣсколько книгъ, имѣющихъ полное право примѣнить къ себѣ извѣстные стихи:

О, вы, разрозненные томы
Изъ библіотеки чертей.

Духовныя, въ кожаныхъ переплетахъ съ мѣдными застѣжками, помѣщались особо, возлѣ широкой божницы, уставленной нѣсколькими образами — произведенія кисти какогонибудь удалаго самоучки. Въ большой этой комнатѣ, гдѣ все глядѣло такъ привѣтно и чисто, не было больше ничего, только лежали на окнахъ маленькія засушенные тыквы странныхъ формъ, растущія въ изобиліи по днѣстровскому побережью. Зато другая, маленькая, въ которой стояла широкая досчатая кровать съ горой подушекъ, загромождена была коврами, зимней и лѣтней одеждой всего семейства, состоявшаго преимущественно изъ прекраснаго пола. Головиха, женщина лѣтъ за сорокъ, но бодрая, подвижная, просила требовать, что угодно, не стѣсняясь, а, въ случаѣ собственные ея запасы не позволяли бы исполнить мое желаніе, она вызывалась послать къ помѣщицѣ. Слѣдуя обычной своей системѣ, я тотчасъ же высказалъ, что за всѣ припасы я плачу деньги, даю каждому за труды, и на этомъ основаніи просилъ сварить мнѣ обѣдать. Хозяйка долго не соглашалась готовить обѣдъ за деньги изъ боязни

разгнѣвать мужа, который какъ прїѣдетъ да узнаеть, что съ меня взяли плату за обѣдъ, то непременно разсердится; однако я не уступилъ и сказалъ, что въ такомъ случаѣ обращусь къ еврейкѣ въ корчму, хотя бы мнѣ этого и не хотѣлось. Головиха пристально посмотрѣла на меня, поклонилась и примолвила:

— Какъ угодно, но чтобы я не была въ отвѣтѣ.

Осмотрѣть селеніе было недолго, и хоть я не нашелъ въ немъ рѣшительно ничего занимательнаго, однако рѣшился остаться въ немъ нѣсколько времени для успокоенія совѣсти. Переѣхавъ какъ-то съ ружьемъ на подольскій берегъ, я зашелъ въ ближайшую деревушку, съ цѣлью взять въ проводники какогонибудь мальчугана, и въ первой же хатѣ наткнулся на интересную пару довольно немолодыхъ супруговъ. Мужъ лежалъ на лавкѣ и держалъ въ рукѣ кнутъ, лѣнливо имъ помахивая, а жена, стоя съ ухватомъ у печки, словно въ оборонительномъ положеніи, говорила скоро и плаксивымъ голосомъ, вѣроятно, какіенибудь упреки. Приходъ мой былъ причиной перемирія. Хозяинъ тотчасъ всталъ, хозяйка, бросивъ ухватъ, принялась сметать лавки и пригласила меня садиться. Я тотчасъ же объявилъ цѣль своего прихода и, хоть получилъ отрицательный отвѣтъ, что у нихъ идти со мною некому, однако, свернулъ папиросу и рѣшилъ узнать причину супружеской ссоры, изъ желанія уловить какуюнибудь новую черту народнаго быта. Но если еще старинный стихотворецъ положительно выразился:

Ни что не ново подъ луною,

то намъ, по крайней мѣрѣ, можно, не погрѣшая противъ истины, сказать, что въ супружескихъ отношеніяхъ не найдешь ничего новаго, будь то между руснаками или между какимъ угодно племенемъ. Разспрашивать просто изъ любопытства о причинѣ размолвки мнѣ не хотѣлось, и я придумалъ пустить въ ходъ легкую дипломатію и спросилъ, нельзя ли наскоро достать водки. Хозяинъ тотчасъ же вызвался сбѣгать и принести сколько угодно, но я поручилъ ему купить полштофъ, рассчитывая, что такого количества весьма достаточно не только для того, чтобы узнать о причинѣ ссоры супруговъ, но и помирить ихъ, если ссоры и драки не сдѣлались для нихъ хроническими. Хозяинъ подпоясался, снялъ съ гвоздика шапку и весело отправился въ корчму, а я остался съ хозяйкой.

— Что это у васъ, голубушка, съ мужемъ? спросилъ я.

— Атъ, навязался, самъ не знаетъ чего! отвѣтила она.

— Сердитый такой, что ли?

— Какое сердитый! просто смиренъ, какъ теленокъ, а, известно, дурь пришла въ голову.

— Вѣрно чѣмъ нибудь ты обидѣла его?

— Ничѣмъ не обидѣла, а вчера былъ пьянъ, сегодня захотѣлось опохмѣлиться, да нѣтъ денегъ — вотъ и все.

— За что же онъ привязался къ тебѣ!

— Видите ли, я недавно заработала два злота (30 к.) и берегу ихъ на соль, такъ онъ требовалъ хоть на четвертку, а я не дала и не дамъ.

— И прекрасно дѣлаешь... Только никакъ онъ собирался поколотить тебя.

— Собираться-то собирался, да я вѣдь тоже неподатлива: скорѣе грѣхъ возьму на душу и отколочу мужа, нежели позволю ему бить меня ни-за-что, ни-про-что. Дѣло другое, коли виновата, перетерпишь, а-то я работала, какъ скотина, загоревала два злота — и подай ему опохмѣлиться!

Хозяйка говорила быстро и жестикулировала, какъ особа съ характеромъ. Но появился хозяинъ и, торжественно поставивъ водку на столъ, обратился къ женѣ уже болѣе дружескимъ тономъ:

— Поищи-ка доброму человѣку закусить чего нибудь, и хоть водка и хорошее дѣло, а горька проклятая.

— У насъ ничего нѣтъ кромѣ сухаго хлѣба.

— Благодарю и за то, вмѣшался я, желая прежде помирить хозяевъ. — Садитесь-ка да выпьемъ.

Хозяинъ усѣлся съ видимымъ удовольствіемъ, хозяйка нашла рюмку и подвинула къ намъ кусокъ черстваго хлѣба и солонку.

— Ахъ какая ты досадная! проговорилъ мужъ: — жаль, что не удалось мнѣ поколотить тебя хорошенько. Хоть бы *цыбульки* (луку) принесла, все-таки вкуснѣе.

— Поколотить-то у тебя руки коротки, а *цыбульки* принести можно: она у насъ непокупная.

И передъ нами явилась деревянная тарелка съ нѣсколькими луковицами. Я поспѣшилъ налить водки и поднесъ хозяйкѣ. Она отклонила мою руку.

— Ему прежде: онъ старше, сказала она серьезно.

— Вотъ за это хвалю, замѣтилъ хозяинъ: — что правда, то правда — кто старше, тотъ не меньше.

И онъ любезно предложилъ мнѣ выпить первому.

— Я вѣдь совсѣмъ не пью водки, а хотѣлъ угостить васъ.

— Въ самомъ дѣлѣ? Да какъ же такъ?

— Просто, она *мнѣ не пользуетъ* (вредитъ).

— Это штука! Ну, дѣлать нечего, выпьемъ, жена.

— Мнѣ хотѣлось бы, сказалъ я:—чтобъ прежде всего вы помирились, а-то, кажется, я засталъ васъ не въ добромъ согласіи.

Хозяинъ засмѣялся.

— Мало ли у мужа съ женою бываетъ споровъ, проговорилъ онъ, осушивъ рюмку и наливая другую.—Ну, жена, такъ и быть, помиримся, продолжалъ онъ, подавая ей чарку.

— Я не прочь помириться. Да какъ же они, прибавила она, указывая на меня: неужто и губъ не помочать!

Я опомнился, что позабылъ деревенскій этикетъ, взялъ изъ рукъ хозяйки рюмку, прикоснулся къ ней губами и пожелалъ всѣмъ здоровья, а умершимъ царства небеснаго.

— Теперь и я выпью, отозвалась весело хозяйка и передала чарку мужу, который осушилъ разомъ двѣ или три съ народными прибаутками.

Черезъ нѣсколько минутъ между супругами уже незамѣтно было недавней ссоры, такъ что я счелъ возможнымъ обратиться съ вопросомъ къ хозяину о причинѣ размолвки, хотя и выслушалъ уже одну сторону.

— Атъ, бабскія причуды, отвѣтилъ онъ, махнувъ рукою:—извѣстно, у бабы волосъ дологъ, да умъ коротокъ.

Хозяйка улыбулась, но не отвѣтила ни слова.

— Да въ чемъ же дѣло? настаивалъ я.

— Да, какъ вамъ сказать, разсердила меня и только. Вчера сосѣдъ пригласилъ на радостяхъ, что засваталъ сына; ну, мы и выпили, знатно выпили. Сегодня просыпаюсь—горько во рту и голова трещить; надо, значить, опохмѣлиться, а денегъ нѣтъ. Я и вспомнилъ, что жена заработала два злата, и велѣлъ ей купить четвертку, хоть осьмушку, наконецъ. Не послушалась. Вотъ я и разсердился.

— Не купила и не куплю, отозвалась хозяйка скороговоркой:—у насъ скоро соли не хватить, а безъ соли труднѣе прожить, чѣмъ безъ горѣлки.

— Совершенная правда, замѣтилъ я.

— Да вѣдь мнѣ же нужна была какая нибудь гривна, сказалъ хозяинъ, немного смѣшавшись.

— А развѣ ты ее заработалъ? спросила жена.

— Эхъ, баба! Ну, вотъ чужой и, видно, добрый чело-
вѣкъ пусть насъ разсудить.

— Пусть разсудить.

Я кивнулъ головой въ знакъ согласія.

— Вѣдь я хозяинъ? обратился мужъ къ женѣ.

— Хозяинъ.

— Твой мужъ и начальникъ?

— Да.

— Эта хата и все, что въ хатѣ — мое?

— Твое.

— И корова, и овцы, и свиньи, и куры — все мое?

— Твое.

— И ты моя?

— Твоя.

— Стало быть и два злота...

— Два злота мои, потому что я ихъ заработала.

— Да, замѣтилъ я:—и по моему деньги того, кто за-
работалъ.

Хозяинъ недовѣрчиво взглянулъ на меня и выпилъ чарку.

— Ну, хорошо, сказалъ онъ. — Постой же, я начну не
такъ. Слушай, жена! Эта хата и все, что въ хатѣ — наше?

— Наше.

— И коровы, и овцы, и свиньи, и куры — наши?

— Наши.

— Стало быть и два злота... сказалъ торжественно
хозяинъ.

— Мои, потому что я ихъ заработала.

— Самъ чортъ не столкуеть съ бабой, какъ она рас-
ходится!

— Хорошо. Была бы я дура, послушалась тебя и мы
вмѣстѣ пропили бы деньги, а на соль гдѣ бы взяли? А?

— Ну, взять-то негдѣ... развѣ продать что нибудь.

— А на подушное?

— Оно у меня вотъ тутъ, проговорилъ хозяинъ, ударивъ
себя по затылку.

— Видишь, любезный, что хозяйка права, сказалъ я.

Хозяинъ ударилъ кулакомъ по столу и неожиданно при-
нялъ грозное положеніе.

— Пусть будетъ по вашему. А какъ же она смѣла ухва-
тить рогачъ, когда я хотѣлъ постегать ее? Жена вѣдь должна
бояться своего мужа.

— И всегда буду брать рогачъ и все, что попадется подъ

руку, если ты захочешь бить понапрасну; я уже тебѣ это не разъ говорила. Коли я виновата, развѣ же я защищаюсь?

— Еще бы защищалась!

— А бить понапрасну не дамся; вотъ говорю и при этомъ чловѣкѣ: не дамся, не дамся!..

И хозяйка бросила быстрый взоръ на ухватъ, смиренно стоявшій у печки.

— То ли дѣло жить дружно, безъ ссоръ, сказалъ я.

— Да какъ жить дружно съ такою женой? Видите ли, она идетъ противъ закона и подымаетъ руку на мужа.

— Зачѣмъ же ты доводишь ее до этого? Она вѣдь говорить, что не спорить съ тобой, коли виновата.

— А когда хочется выпить съ похмѣлья!

— Заработай денегъ.

— Гдѣ ихъ у чорта заработать! И такъ долженъ Шмулю, а тутъ подати.

— Стало быть и нечего думать о водкѣ, пока не поправятся обстоятельства.

Хозяинъ покрутилъ головою.

— Ну, жена, видно, на этотъ разъ надо простить тебя — поди сюда, поцѣлуемся.

— Какъ-таки цѣловаться при чужомъ чловѣкѣ!

— Съ мужемъ-то? Съ мужемъ хоть средь базара можно.

И супруги искренно поцѣловались. Воспользовавшись этой минутой, я распрощался, бывъ принужденъ взять нѣсколько луковицъ на дорогу, безъ чего хозяйка не хотѣла отпустить меня.

Охота моя была неудачна.

Въ Молодавѣ не попадалось мнѣ ничего любопытнаго, исключая одной молоденькой русначки, обратившей мое вниманіе чуднымъ, давно неслышаннымъ, голосомъ. Вообще на югѣ у простолудиновъ хорошіе голоса не рѣдкость, но это было исключеніе, и, конечно, этому голосу суждено погибнуть подъ гнетомъ житейскихъ дрызгъ или затеряться въ непроходимой глуши, хотя онъ и созданъ для того, чтобы плѣнять слушателей на какой нибудь столичной оперной сценѣ. Собираясь уѣзжать въ Старую Ушицу, я захотѣлъ посѣтить окрестности Молодавы, именно побережье Днѣстра при крутомъ заворотѣ, куда не пролегла никакая дорога. Рано утромъ вышелъ я изъ квартиры и, пройдя село, пустился прямо къ одному живописному ущелью. Вдали слышались звуки русначкой пѣсни, но ко мнѣ достигали они черезъ небольшой лѣ-

сокъ и изъ-за утеса, такъ что я ничего не могъ замѣтить въ голосѣ необыкновеннаго. Сказать правду, занятый совершенно другимъ, я сперва даже не различилъ — кто пѣлъ: мужчина или женщина; но, когда я поворотилъ за утесъ, меня поразили чистые мягкіе звуки самаго нѣжнаго сопрано. Пѣсня была незатѣйлива, для исполненія ея мелодіи не требовалось искусства, а голоса этого я не могъ слушать безъ какого-то трепета, который проникаетъ иной разъ въ душу и располагаетъ васъ къ поэтическому настроенію. Серебристый, симпатичный голосъ этотъ, рассказывая тоску дѣвушки о предстоящемъ ненавистномъ замужествѣ и о разлукѣ съ милымъ, такъ полно, такъ естественно выражалъ малѣйшіе оттѣнки чувства, что, еслибъ я не былъ въ глухомъ уголкѣ Бессарабіи, вдали отъ цивилизованнаго міра, я не усомнился бы въ присутствіи какой нибудь первоклассной пѣвицы. И уже не простое любопытство влекло меня впередъ; мнѣ казался этотъ голосъ давно знакомымъ, словно въ дѣтствѣ онъ напѣвалъ мнѣ тѣ неуволимыя мелодіи, которыя раздаются внутри человѣка и потомъ забываются, но все-таки оставляютъ послѣ себя какое-то смутное воспоминаніе. Очарованіе это было тѣмъ естественнѣе, что самая пѣсня невольно будила въ памяти беззаботныя дѣтскіе годы. Чтобъ достигнуть до пѣвицы, надо было подняться на гору. Я осторожно пошелъ между деревьями изъ боязни спугнуть какую нибудь робкую русначку. На зеленой площадкѣ, на большемъ сѣромъ камнѣ, сидѣла дѣвушка лѣтъ пятнадцати или шестнадцати, худенькая, стройная, лицо которой на первый взглядъ показалось мнѣ некрасивымъ. Возлѣ нея лежала небольшая торба со съѣстными припасами, а въ рукахъ былъ кусокъ холста, на которомъ она вышивала разноцвѣтною бумагою узорчатые рукава для сорочки. Возлѣ, по всему зеленому скату, бродили телята, а дальше, на другомъ холмѣ, черезъ оврагъ, сидѣла группа мальчишекъ вокругъ пылавшаго костра, дымъ отъ котораго прямымъ столбомъ подымался вверхъ за отсутствіемъ вѣтра. Дѣвушка замѣтила меня въ то время, когда я подошелъ къ ней шага на два, въ ту же минуту перестала пѣть, покраснѣла и смѣшалась. Снявъ шапку, я по обычаю привѣтствовалъ ее и просилъ не пугаться и не уходить, потому что она взялась за торбу и сдѣлала движеніе подняться съ камня. Положеніе мое было довольно щекотливо: мнѣ хотѣлось еще послушать пѣсень, а я рисковалъ лишиться даже собесѣдницы, встрѣтивъ чрезвычайно робкую личность. Будь эта дѣвушка веселая, разбитная, разго-

воръ завязать недолго, а, пожалуй, можно и полюбезничать, потому что иная деревенская красавица удивительно ловко умѣетъ пококетничать; но у моей пѣвицы въ глазахъ отразился испугъ, и замѣтно было, какъ легкая дрожь пробѣжала по молодому тѣлу. Исполняя мою просьбу, она не встала съ камня, но, когда я сѣлъ на другомъ концѣ, очевидно было, что русначка смѣшалась окончательно. Замѣшательство это перешло и ко мнѣ въ такой степени, что, привыкнувъ издавна обращаться и дружитья съ простолюдиномъ, я не зналъ съ чего начать, изъ боязни показаться неловкимъ передъ молоденькой пѣвицей. Вѣроятно не понимая моего молчанія, дѣвушка подняла на меня большіе черные глаза и словно спрашивала — зачѣмъ я пришелъ и что мнѣ надо?

— Я просто пришелъ послушать, миленькая, твои пѣсни. Ты такъ хорошо поешь, сказалъ я, желая начать разговоръ.

— Пою, какъ всѣ дѣвушки въ Молодавѣ.

— Нѣтъ, у тебя голосъ какой-то непохожій на другіе, какъ-то за душу хватаетъ.

Быстрая улыбка скользнула по губамъ русначки.

— Полно вамъ смѣяться! сказала она.

— Я и не думаю смѣяться.

— Гдѣ-таки полюбилась бы вамъ наша деревенская пѣсня! Атъ, нечего дѣлать!

— Пожалуйста не говори этого. Ты, значить, сама не знаешь — какой у тебя чудный голосъ.

— Въ селѣ есть тоньше моего. Да вы тотъ панъ, что стоите на газдѣ у головы?

— Тотъ самый.

— Такъ какъ же я вамъ повѣрю. Говорятъ, вы очень издалека, столько прошли свѣта, а полюбился бы мой голосъ?

— Знаю, что тебя увѣрить нельзя, но подумай сама — зачѣмъ же я пришелъ бы къ тебѣ на гору?

— А кто васъ знаетъ?

— Видишь ли, миленькая, я сегодня уѣзжаю и въ доказательство, что не смѣюсь надъ тобою, сдѣлаю тебѣ подарокъ, если ты споешь мнѣ какуюнибудь пѣсенку.

Русначка снова посмотрѣла на меня, но уже безъ испуга.

— Что же вы мнѣ подарите?

У меня въ сумкѣ было нѣсколько новенькихъ рублевыхъ монетъ, и я вынулъ одну изъ нихъ.

— Вотъ могу предложить тебѣ на ленты.

— Такъ много! Неужто весь карбованецъ!

— Сдачи не потребую, отвѣтилъ я шутливо, желая навести на этотъ тонъ и свою собесѣдницу.

Дѣвушка, взявъ осторожно у меня монету, вертѣла ее въ рукахъ и разсматривала.

— Какой новенькій! сказала она: — вѣрно вы набрали тамъ, гдѣ ихъ дѣлаютъ?

— Да, рѣшился я солгать для поддержанія разговора.

— Ну, спасибо! У меня еще никогда не бывало столько денегъ. Да вы же за что дали мнѣ карбованецъ, за то, чтобъ я спѣла?

— Конечно.

— Такъ лучше возьмите назадъ, я при васъ пѣть не стану.

— Отчего?

— Стыдно.

И русначка покраснѣла.

— Стыдно, еслибъ здѣсь было что нибудь дурное, а за пѣсни, мнѣ кажется, никто не осудить.

— Знаю, да мнѣ-то стыдно при чужомъ.

— Ты позабуди, что я здѣсь, и пой, какъ пѣла передъ этимъ.

— Пѣть при васъ не могу, а ужъ, если вы хотите непременно, оставайтесь здѣсь, а я сойду въ яръ и запою.

— Дѣлай какъ для тебя удобнѣе. Мнѣ такъ хочется послушать твоихъ пѣсень, что я согласенъ на все.

Дѣвушка взяла торбу, положила работу за пазуху, быстро спустилась съ холма и исчезла за утесомъ. Я остался на камнѣ. И снова нѣжный, чарующій голосъ раздался недалеко... Эти чистые звуки, вылетающіе изъ молодой, неразвитой груди, и теперь еще остались у меня въ памяти, такъ много было въ нихъ задушевности и той безыскусственной поэзіи, которая въ состояніи растрогать самое зачерствѣлое сердце. Не помню, сколько прошло времени, но русначка пѣла одну пѣсню за другою, какъ бы желая показать мнѣ все богатство своихъ средствъ и заставить меня пожалѣть о талантѣ, которому суждено погибнуть безъ развитія. Когда пѣвица умолкла и черезъ нѣсколько минутъ показалась на тропинкѣ, я пошелъ къ ней на встрѣчу.

— Благодарю тебя, миленькая, за твои прекрасныя пѣсни.

— Я спѣла бы еще, но больше не знаю.

— Довольно, да и для тебя это утомительно. У тебя чудный голосъ.

— Спасибо и вамъ. Вы поѣдете?

— Сегодня ѣду. Мнѣ жаль, что я не слыхалъ тебя прежде.

— А знаете ли, я подумала, что вы хотѣли посмѣяться надо мною.

— Напрасно такъ думала.

— Что же, въ самомъ дѣлѣ, въ моихъ пѣсняхъ такого, чтобъ ихъ слушать и платить деньги! У насъ всѣ дѣвушки поютъ одинаково.

Я считалъ лишнимъ продолжать дальнѣйшій разговоръ и возбуждать самолюбіе въ наивномъ добромъ созданіи и, прощавшись съ молоденькой русначкой, отправился въ Молодаву. Фургонъ мой былъ готовъ, и скоро я уѣхалъ за Днѣстръ, имѣя въ виду изъ старой Ушицы пробратъся лѣвымъ берегомъ къ мѣстечку Калюсу. Противъ обыкновенія новая мѣстность не производила на мою душу успокоительнаго дѣйствія: я былъ не въ нормальномъ состояніи. Взоры мои невольно обращались къ утесамъ праваго берега, а слухъ жаждалъ уловить звуки русначкой мелодіи, глубоко заронившейся въ душу

Старая Ушица, бывший уѣздный городъ Каменецъ-Подольской губеріи, а нынѣ мѣстечко, лежитъ при впаденіи рѣчки Ушицы въ Днѣстръ, между отвѣсными высокими скалами. Въ нашихъ лѣтописяхъ о ней упоминается еще въ XII вѣкѣ, но нѣтъ никакихъ особенныхъ подробностей въ польскихъ источникахъ. Говорятъ, что въ качествѣ уѣзднаго города Ушица была еще похожа на что нибудь, но теперь — это жалкое мѣстечко, рынокъ котораго обставленъ еврейскими домиками, неимѣющее ни торговли, ни даже проѣзжей дороги, а существующее собственно энергической дѣятельностью евреевъ, способныхъ придать жизнь самой печальной и апатической мѣстности. На рынокѣ есть два—три порядочныхъ домика, въ разныхъ мѣстахъ торчатъ лавчонки, и, конечно, самое существованіе послѣднихъ доказываетъ, что не сидятъ же въ нихъ евреи, не имѣя въ виду хоть грошевыхъ барышей, а лишь изъ любви къ искусству, для собственнаго удовольствія. Въ лавчонкахъ этихъ, независимо отъ товаровъ, необходимыхъ для простолюдина, можно найти чай, разумѣется, контрабандный, кофе, сахаръ и даже стеариновые свѣчи. Евреи занимаются также немного покупкою хлѣба и приготовленіемъ чернослива, о которомъ я говорилъ при описаніи Буковины.

Не найдя комнаты на заѣздныхъ дворахъ не по причинѣ большаго скопленія посѣтителей, а по случаю передѣлокъ, я потерялъ уже надежду пріютиться гдѣ нибудь — какъ неожиданно одинъ порядочный еврей, которому сдѣлалось извѣстнымъ мое безуспѣшное скитаніе по Ушицѣ, предложилъ мнѣ остановиться у него въ домѣ. Ломанымъ русско-польскимъ языкомъ онъ прибавилъ, что у него не постоянный дворъ и онъ не принимаетъ проѣзжихъ за деньги, но считаетъ за удовольствіе дать пріютъ важнымъ особамъ. Предложеніе было слишкомъ обязательно, но, не желая впоследствии разыграть какое нибудь *qui pro quo*, я отвѣтилъ, что я, особа неважная и неслужащая, конечно, не имѣю права на исключительное вниманіе.

— Все равно, мы знаемъ, что вы изъ Петербурга, отвѣтилъ гостепріимный еврей: — а здѣсь вы нигдѣ не найдете квартиры.

— Въ такомъ случаѣ очень вамъ благодаренъ, и если не стѣсню васъ...

— Помилуйте, у меня есть двѣ чистыя комнаты, въ которыхъ мы никогда не живемъ, а мебель въ нихъ изъ Каменца, прибавилъ онъ съ нѣкоторою гордостью...

Квартира оказалась такая, какой не имѣлъ я и въ уѣздныхъ городахъ, съ весьма приличною мебелью, очень чистою, но украшенная множествомъ тѣхъ картинъ, о которыхъ большинство читателей, вѣроятно, не имѣетъ понятія. Это лубочныя еврейскія гравюры, изображающія какъ сцены изъ древней исторіи, такъ и фантазіи новѣйшихъ временъ, гдѣ иногда евреи представлены въ генеральскихъ и полковничьихъ эполетахъ на полѣ битвы съ неизвѣстными національностями. Разумѣется, непріятель вездѣ бѣжитъ, сыны Израиля его преслѣдуютъ и торжественно машутъ огромными саблями. Содержаніе нѣкоторыхъ картинъ до того неудобопонятно, что самъ хозяинъ не могъ, по тексту, написанному внизу, дать мнѣ положительныхъ свѣдѣній и только, указывая на голубыя деревья, на зеленыхъ верблюдовъ и на какія-то фигуры вродѣ человѣческихъ, прибавлялъ:

— Это тамъ, въ Палестинѣ.

Хозяинъ мой, не помню, бывшій или настоящій повѣренный откупа, оказался бывалымъ и разумнымъ человѣкомъ, и если не былъ знатокомъ въ изящныхъ искусствахъ, то обладалъ обширными познаніями по части разныхъ торговыхъ сдѣлокъ и вѣрно опредѣлялъ промышленное состояніе окрестностей какъ своихъ, такъ и бессарабскихъ. Кромѣ разныхъ

спекуляцій онъ началъ заниматься выдѣлкою хорошаго чернослива, на манеръ французскаго, и вскорѣ послѣ моего прибытія принесъ мнѣ полную тарелку отличнаго чернослива, далеко оставлявшаго за собою буковинскій. Крупныя и подбранныя сливы не только не имѣли дымнаго запаха, свойственнаго у насъ этому продукту, но имѣли пріятный вкусъ и были слегка покрыты сахаристымъ порошкомъ.

— Я нарочно ѣздилъ по Бессарабіи и у насъ, гдѣ выдѣлывается черносливъ, и видѣлъ, что не такъ берутся за дѣло, сказалъ онъ.

— Гдѣ же вы научились готовить на манеръ французскаго?

— Дошелъ своимъ умомъ. Въ Каменцѣ я купилъ коробочку настоящаго французскаго и все придумывалъ.

— Мнѣ кажется, замѣтилъ я: — что самая слива во Франціи гораздо лучше.

— Это правда. Но мы можемъ разводить здѣсь самыя отличныя деревья, и никто не мѣшаетъ намъ отбирать изъ своихъ сливъ лучшіе сорта.

— Мнѣ очень пріятно встрѣтить въ васъ такой взглядъ на вещи, и, если вы серьезно взяли за это дѣло, я полагаю, нельзя сомнѣваться въ успѣхѣхъ.

— Вотъ то-то и бѣда! Я уже возилъ свой черносливъ нѣкоторымъ богатымъ помѣщикамъ и въ Каменецъ.

— И что же?

— Даютъ лишь нѣсколькими копѣйками дороже, чѣмъ за тотъ, который продается у насъ въ бочкахъ.

— Разумѣется, вамъ невыгодно?

— Просто убытокъ.

— Попробуйте послать хоть въ Одессу.

— Не знаю, какъ будетъ дальше, а теперь этого нельзя. Нѣтъ, я уже придумалъ, прибавилъ хозяинъ съ улыбкой, которая показалась мнѣ очень хитрою.

Я тоже улыбнулся, а еврей, считая меня очень проницательнымъ, подхватилъ:

— Вы догадались? Что-жъ дѣлать? Жаль вѣдь своихъ трудовъ.

Правду сказать, я не понималъ, въ чемъ дѣло, но говорилъ общими мѣстами, желая добиться настоящаго.

— И думаете получить хорошую выгоду?

— Кажется, процентовъ на сорокъ. Только вы... Знаете — это...

— Я вѣдь не торгую черносливомъ.

— Да, буду продавать за иностранный, только немного дешевле. Коробочки и этикетки плохо поддѣлываютъ, да нашъ братъ скоро научится.

— Вотъ въ Бердичевѣ, замѣтилъ я: — тамъ отлично все поддѣлываютъ.

— О, намъ далеко до Бердичева!.. Тамъ всѣ инструменты, тамъ искусные мастера и ужъ за что возьмутся, такъ обрабатываютъ, сказалъ хозяинъ, въ которомъ, повидимому, боролись легкое сожалѣніе объ опрометчивости — высказать проѣзжему секретъ — и авторское самолюбіе — похвастаться передъ петербуржцемъ своей изобрѣтательностью.

— Но, мнѣ кажется, замѣтилъ я: — съ вашими способностями вы могли бы достигнуть до сбыта чернослива, и не прибѣгая къ такимъ не всегда вѣрнымъ средствамъ.

— Ничего не сдѣлаешь или, по крайней мѣрѣ, очень не скоро. Вотъ вамъ примѣръ — вино. Я знаю, какъ на бутылки налѣпляютъ этикетки и продаютъ вино за иностранное. Или табакъ — чисто бессарабскій идетъ за турецкій; и покупаютъ, а скажите, что онъ изъ Цепиловки, и смотрѣть не захотятъ. Отчего же можно дѣлать такъ съ виномъ и съ табакомъ, а нельзя съ черносливомъ? спрашивалъ еврей, приходя въ нѣкотораго рода азартъ.

— Видите ли, почтеннѣйшій, все-таки это обманъ.

— А развѣ можно прожить безъ обмана? сказалъ хозяинъ самымъ наивнымъ образомъ.

— По крайней мѣрѣ должно.

— Мало ли что должно. Нѣтъ, я вамъ скажу, намъ, торговымъ людямъ, нельзя безъ обмана, говорилъ мой собесѣдникъ въ полномъ убѣжденіи, что сказалъ великую истину: — правдой возьмешь немного. Конечно, надо быть честнымъ на расплату, исполнять, что обѣщаешь, а въ товарѣ безъ обмана не бываетъ.

Не считая удобнымъ убѣждать моего хозяина въ недобросовѣстности подобнаго принципа, тѣмъ болѣе, что онъ, вѣроятно, съ дѣтства велъ свою торговлю такимъ образомъ, я постарался прекратить разговоръ и отправился обозрѣвать мѣстечко. Изъ всѣхъ властей въ Старой Ушицѣ полагается только тысяцкій, подчиненный земской полиціи. На базарѣ, я слышалъ, нѣсколько разъ упоминалось названіе тысяцкаго, даже одинъ еврей пугалъ имъ пріѣзжаго крестьянина, что привело послѣдняго въ нѣкоторое смущеніе, и я рѣшился по-

знакомиться съ этой личностью, тѣмъ болѣе, что мнѣ надо было имѣть съ нимъ дѣло, еслибы онъ, во первыхъ, потребовалъ мои бумаги, во вторыхъ, отъ него зависѣли обывательскія лошади, и, наконецъ, мнѣ могла встрѣтиться надобность въ какихъ нибудь свѣдѣнiяхъ. Жилище тысяцкаго отстояло однако-жъ довольно далеко отъ рынка, заключааясь въ простой мѣщанской хатѣ, раздѣленной на двѣ половины и охраняемой свирѣпыми псами, которые при первомъ скрипѣ калитки бросились на меня съ громкимъ лаемъ и съ явнымъ намѣренiемъ вдѣпиться мнѣ въ ноги. Я принужденъ былъ затворить калитку и поспѣшилъ, по мѣстному обычаю, вытащить наскоро изъ плетня хворостину, потому что собаки пролѣзли подъ воротами и бросились на меня съ бѣльшимъ остервенѣнiемъ. Изъ двора показалась дѣвочка, ускромилла псовъ и, узнавъ, что я хочу видѣть тысяцкаго, взялась проводить меня къ этому господину. Предо мной предсталъ человекъ среднихъ лѣтъ, высокаго роста, съ добродушной физиономiей и просилъ садиться, не выслушавъ еще рекомендацiи. По убранству комнаты, по костюму, по самому разговору я тотчасъ же заключилъ, что онъ былъ или мѣщанинъ, или сынъ какого нибудь бѣднаго чиновника, получившiй воспитанiе у приходскаго дьячка и проведеншiй лучшiя лѣта молодости на скамейкѣ земскаго суда или городской полицiи. Разговоръ у насъ не клеился, потому что собесѣдникъ мой ограничивался односложными отвѣтами, и на меня разомъ напала такая тоска, что я готовъ былъ тотчасъ же вырваться на улицу, но вѣжливость требовала вынести моральную пытку хоть на полчаса. Самые обыкновенные вопросы мои о торговлѣ и промышленности повергали тысяцкаго въ долговременную задумчивость и, не знаю уже почему, заставляли его отвѣчать на все, что и торговля, и промышленность »какъ слѣдуетъ по положенiю«. Видя безуспѣшность своихъ попытокъ, я прямо приступилъ къ требованiю на завтра обывательскихъ лошадей, разумѣется, предъявивъ открытый листъ, и спрашивалъ — могу ли я прямо проѣхать на мѣстечко Калюсь или долженъ остановиться гдѣ нибудь для перемѣны.

— Да, вамъ слѣдуютъ лошади, отвѣтилъ тысяцкiй: — только ихъ теперь у насъ нѣтъ.

— Неужто въ мѣстечкѣ нѣтъ?

— Они-то есть, да, знаете, у евреевъ, а съ этимъ народомъ трудно сладить.

— Я же плачу прогоны.

— Что имъ значать прогоны! Можетъ быть я выпрошу.

— Какъ выпросите? Развѣ вы, какъ начальникъ, не имѣете права нарядить очередныхъ по предписанію губернатора?

— Я-то начальникъ, но насчетъ лошадей меня не послушаютъ. Да знаете ли, я вамъ скажу, что берегомъ, какъ вы говорите, и проѣхать въ Калюсъ нельзя. Вотъ развѣ на Новую Ушицу ступайте; я, пожалуй, вытребую какъ нибудь лошадей до первой перемѣны, а тамъ ужъ не мое дѣло. Ну, въ городѣ самъ исправникъ распорядится.

— Но мнѣ необходимо ѣхать береговой дорогой.

— Туда никто не ѣздитъ. Отчего вы не ѣхали по Бесарабіи?

— Оттого, что хотѣлъ видѣть подольскій берегъ.

— Все равно видно и оттуда.

Я пришелъ къ заключенію, что господинъ этотъ не могъ или не хотѣлъ дать мнѣ лошадей, и, не находя никакого интереса вести дальнѣйшій разговоръ, попрощался и пошелъ бродить по мѣстечку.

За исключеніемъ небольшой базарной площади, Старая Ушица ничѣмъ не отличается отъ деревни и еще во многомъ уступаетъ инымъ деревнямъ Подольской губерніи. Одно хорошо — это красота мѣстоположенія, но я уже говорилъ прежде, что дябстровское побережье изобилуетъ великолѣпными видами. Маленькая рѣчонка Ушица, обладающая всѣми свойствами горныхъ рѣчекъ, т. е. ничтожная въ обыкновенное время, но шумная и бурливая при значительныхъ дождяхъ, порасла кругомъ деревьями и кустарниками и съ успѣхомъ ворочаетъ жернова водяныхъ мельницъ, которыя пріютились у скалы, на сѣверной сторонѣ мѣстечка, и шумятъ безъ умолка своими широкими колесами.

Когда я подошелъ къ мельницамъ, тамъ въ этомъ уголкѣ собралось много народа, едва ли не больше, чѣмъ на базарной площади. Мнѣ было блеснула мысль объ обширномъ развитіи мельничнаго дѣла, но, присѣвъ на берегу покурить и всмотрѣвшись въ толпу, я убѣдился, что большая часть посѣтителей сошлась туда отъ нечего дѣлать и коротала въ болтовнѣ послѣобѣденное время по случаю какого-то праздника, которыхъ у насъ такое изобиліе. Вообще простой народъ нашъ понимаетъ по своему праздники: въ память святаго онъ не занимается никакой работой, но многіе еще до обѣдни навѣдаются въ кабакъ, не считая предосудительнымъ даже на-

питься порядкомъ, въ силу извѣстной пословицы: «кто празднику радъ, тотъ до свѣту пьянъ». Оно, если хотите, здѣсь есть и своя доля справедливости. Имѣя впереди цѣлый день отдыха, простой, неразвитой человѣкъ не придумаетъ, чѣмъ лучше пополнить время, какъ не бесѣдой съ достолюбезнымъ штофомъ, потомъ завалится спать на полсутки и такимъ образомъ незамѣтно просуществуетъ до вечера. Непьющій просто не знаетъ, что дѣлать, кромѣ «бока отлеживать» по народному выраженію. Особенно лѣтомъ, въ рабочую пору, если случаются праздники подъ-рядъ, простолюдина даже нельзя упрекать за тѣсное знакомство съ чаркой; будь онъ еще грамотень, онъ читалъ бы какуюнибудь книгу, которыхъ, впрочемъ, по плечу ему придется очень немного; но, какъ извѣстно, крестьяне наши грамотѣ до сихъ поръ не учились, а если который и умѣетъ читать, то съ трудомъ и то больше печать церковную. Подобный грамотѣй, положимъ, и могъ бы собрать возлѣ себя кружокъ, но гдѣ матеріаль для чтеній? Одно св. писаніе, но оно недоступно по языку не только простолюдину, а и болѣе образованному классу, кто не учился по славянски. Читать же только для процесса чтенія и понимать развѣ пятое слово изъ читаемаго, не добравшись до смысла, — трудъ тяжелый и непроизводительный. Старый переводъ библіи на великорусскій языкъ не подвинетъ дѣла впередъ въ южныхъ и западныхъ губерніяхъ, потому что простолюдину такъ же непонятенъ, какъ и текстъ церковно-славянскій. Наконецъ хоть многіе, такъ называемые, знатоки народности убѣждены, что простолюдину ничего не должно давать, кромѣ св. писанія, однако чтеніе библіи требуетъ необходимыхъ объясненій, чего не въ состояніи исполнить не только простой грамотѣй, но и самъ приходскій дьячекъ, считающійся въ деревнѣ ученой особой.

Подсѣвъ къ небольшому кружку, гдѣ было бы веселѣе, я закурилъ папиросу и завелъ разговоръ съ добродушнымъ старикомъ, который такъ и сыпалъ остротами и прибаутками. Оказалось, что старикъ видѣлъ, какъ я вѣзжалъ въ Ушицу, и, считая меня важной особой, тотчасъ же принялъ серьезный видъ, снялъ шапку и привсталъ съ мѣста. Прочая публика послѣдовала его примѣру, что смѣшало меня и озадачило. На силу я упросилъ веселыхъ собесѣдниковъ садиться и, сказавъ, что вовсе не принадлежу къ начальству, въ короткихъ словахъ, какъ умѣлъ, объяснилъ имъ причину своего путешествія. Крестьяне посматривали на меня недоувер-

чиво, и видно было, что они подозрѣвали во мнѣ какія нибудь другія намѣренія.

— Вы, стало быть, землемѣръ? сказалъ наконецъ веселый старикъ,

— Нѣтъ, не землемѣръ.

— Такъ рѣки вымѣряете?

— И то нѣтъ.

— Ну, такъ я и въ толкъ не возьму, что вы дѣлаете: ходили по Бессарабіи, ходите по нашему берегу!

— Видишь ли, хожу и разсматриваю, гдѣ какъ живутъ и чѣмъ занимаются.

— И все списываете?

— Списываю.

— Значить, вамъ можно и пожаловаться?

— Нельзя, потому что я ни во что не вмѣшиваюсь.

— Ну, Богъ же васъ разберетъ! Дѣлайте какъ знаете, проговорилъ старикъ, видимо недовольный.

— Вотъ ты, дѣдушка, разсердился и самъ не знаешь за что. Я же сказалъ, что записываю пѣсни, сказки, смотрю и замѣчаю, какъ идетъ гдѣ хозяйство, судоходство, рыболовство. Видишь ли въ Петербургѣ хотятъ знать все это.

— А, такъ вы не отъ губернатора, а значить сами по себѣ?

— Самъ по себѣ.

— Г-мъ!

— Мнѣ ни до чего другаго и дѣла нѣтъ.

— Ну, рыболовство-то у насъ плохое.

— Вижу, что плохое. Иду отъ самой границы и нигдѣ еще не видѣлъ даже порядочной рыбы.

— И не увидите, я думаю, до Дубоссаръ. Мы ловимъ рыбу, да только для себя и то немного. Мой покойный отецъ хорошо зналъ это дѣло, и я самъ смыслилъ кое-что, но теперь вижу, что рыбы нѣтъ, и шабашъ. Говорятъ, австріякъ ее не пускаетъ.

— Какъ не пускаетъ? Для этого нужны *гребли* (плотины), а на Днѣстрѣ гребель нѣтъ.

— Значить такую штуку подпустить. А вы думаете, нѣтъ искусниковъ, которые просто дѣлаютъ чудеса?

— Искусники есть разные, не спорю, но не думаю, чтобы нашлись молодцы, которые удержали бы рыбу безъ плотины.

— Ну, какъ по вашему: вѣдьмы есть?

— По моему нѣтъ.

— То-то нѣтъ! А, еслибъ какая проѣздила на васъ верхомъ, вы бы этого не сказали.

Публика засмѣялась.

— А ты видѣлъ ихъ, старикъ?

— Я? Не видалъ бы, такъ и не говорилъ: мнѣ случалось видѣть ихъ и зайцемъ, и свиньей, и черной собакой.

— Да почему же ты увѣренъ, что это не были настоящіе и заяцъ, и свинья, и черная собака?

— *Письменные* (грамотные, ученые) всегда такъ разсуждаютъ.

— Ну, положимъ, о вѣдмахъ спорить не буду. Но какъ же можно удержать въ Днѣстрѣ рыбу?

— На то есть *мытци* (слово, означающее искуснаго мастера, гениальнаго человѣка).

— Видно ты, дѣдушка, человѣкъ бывалый, молвилъ я, желая послушать разсказовъ.

— Онъ? отозвался другой старикъ: — спросите только, гдѣ онъ не былъ.

— А знаете что, братцы, я думаю, у васъ есть пословица, что »сухая ложка ротъ деретъ«.

— Какъ же, какъ же!

— Вотъ три злота, сходите кто въ корчму да принесите водки: мы выпьемъ, а этотъ дѣдъ намъ поразскажетъ.

— Что дѣло, то дѣло, сказалъ дѣдъ: — при чаркѣ и балагурить веселѣе.

И все общество выразило одобреніе.

— Только надо бы рюмку.

— Мы достанемъ этого добра у мельника.

— Вы, какъ я вижу, тоже человѣкъ бывалый, сказалъ веселый старикъ: — да и *тютюнъ* (табакъ) долженъ быть у васъ вкусный.

Я тотчасъ же далъ ему табаку и потомъ предложилъ свой запасъ прочей публикѣ. Въ это время водка была принесена и собесѣдники мои выпили.

— Ну, дѣдушка, поразскажи-ка чтонибудь объ искусникахъ.

— Гмъ! да вѣдь о нихъ въ книгахъ ен написано.

— Это ничего не значитъ.

— Вы, я знаю, изъ тѣхъ, которымъ все выложь да подай. Я въ Кіевѣ жилъ разъ въ одномъ домѣ цѣлую недѣлю съ такимъ *письменнымъ*: ничему не вѣрить. Упадетъ ли звѣзда — нашъ братъ перекрестится и подумаетъ: вотъ умеръ кто ни-

будь — а онъ говоритъ, это не звѣзда. Начни ему рассказы-
вать, что на могилахъ свѣтятся огни надъ кладами, онъ увѣ-
ряетъ, что эти огни ничего не значать. Чего лучше, онъ не
вѣритъ, что папороть цвѣтетъ золотымъ цвѣтомъ въ ночь
противъ Ивана Купала; говоритъ, что это зелье совсѣмъ не
цвѣтетъ, и все называетъ бабьими розсказнями.

— Я люблю, дѣдушка, слушать рассказы очевидцевъ. И,
если тебѣ дѣйствительно случалось видѣть чтонибудь соб-
ственными глазами, это дѣло другое, сказалъ я, желая под-
стрекнуть старика, съ которымъ, повидимому, достаточно было
приключеній.

— То-то же! Вы говорите нѣтъ *мытца*, который удер-
жить рыбу въ Днѣстрѣ. Спорить трудно, потому что я и
самъ такого не видѣлъ. Но я вамъ расскажу о другомъ. Да-
леко *въ долину* (внизъ) есть городъ Бендеры, можетъ, знаете?

— Знаю.

— Ну, насупротивъ Бендеръ есть городъ Тирашполь (Ти-
располь), и тамъ были?

— Былъ.

— Вотъ оттуда этакъ на всходъ солнца (востокъ) ле-
жить большое пилипонское (раскольничье) село — Плоская,
гдѣ живутъ одни только пилипоны. Народъ все рослый, бо-
гатый, и, хоть себѣ молятся по своему и не вѣрятъ въ нашу
церковь, однако, честнѣе людей трудно отыскать. Сказалъ
слово, обѣщаль — свято, продалъ тебѣ товаръ — не бойся
обмана: не обвѣситъ и не обмѣритъ. Вотъ давно когда-то,
еще я былъ хлопцемъ, поѣхали мы съ покойнымъ дядькомъ
въ Одессу съ фурами, и у насъ заболѣли волю подъ Тираш-
полемъ. Намъ и *пораяли* (посовѣтовали) добрые люди идти
въ Плоскую просить одного пилипона, который лечитъ вся-
кую скотину. Нанявши лошадь, дядько послалъ меня, а самъ
остался при обозѣ. Я, правду сказать, побаивался *кацаповъ*
(прозвище великорусса, равносильное прозвищу хохоль) и
рѣдко ихъ видѣлъ, но разъ нельзя было не послушаться
дядька въ такомъ дѣлѣ, а потомъ раздумалъ, что не съѣдятъ
же меня пилипоны живьемъ, такъ, ни за что, ни про что. Под-
водчикъ подвезъ меня къ самому знахарю. Я вошелъ, поздо-
ровался и говорю: такъ и такъ, дядько прислалъ, *пора-
туйте* (спасите, помогите), волю издыхаютъ, а что положите
за труды — мы заплатимъ. »Хорошо«, говоритъ хохоль, »по-
ратуемъ, только ты здѣсь переночуешь, мнѣ есть дѣло, а мы
раненько выѣдемъ, до свѣта, и поспѣемъ во-время«.

Страшновато, правду сказать, стало мнѣ оставаться у пилипоновъ на ночь, однако дѣлать было нечего. Хозяйка-старушка, искоса на меня посматривала, а послѣ не вытерпѣла и спросила — не курю ли я трубки. Меня подводчикъ дорогою научилъ уже, какъ отвѣчать.

— Нѣтъ, говорю: — не курю; какъ бы не курилъ и въ самомъ дѣлѣ, а трубка въ карманѣ.

— Да ты, можетъ быть, врешь? отозвалась пилипонка: — обманъ грѣхъ! Мнѣ все равно — куришь ли ты или не куришь, да у насъ въ домѣ не кури.

И погрозила пальцемъ.

— Эге, подумалъ я: — вотъ оно что!

— Ты, иначе, не бойся, паренекъ, мы ничего, мы знаемъ, что хохоль не дохнетъ безъ табачища, да у насъ нельзя по закону. А я тебѣ дамъ повечерять, у насъ есть такая посуда, что кормимъ проѣзжихъ.

Видите ли, у нихъ даже нельзя дать напитокъ воды изъ своей кружки нашему брату.

— Такъ и у жидовъ, отозвался кто-то.

— И у жидовъ такъ, повторилъ рассказчикъ. — Ну, мы повечеряли кваса съ лукомъ, съ огурцами, съ отличнымъ хлѣбомъ, и я улегся на повозкѣ. Какъ нарочно, пошелъ проливной дождь, такъ что надо было проситься въ сѣни. Мы съ подводчикомъ постучались. Пилипонка отворила и сказала, чтобъ мы шли и ложились въ *противной* (противоположной) хатѣ. Зажгла она свѣчку. Господи! какъ оглянулся я на стѣны, у меня душа такъ и вошла въ пятки. Кажется, что въ эту хату со всего свѣта собрались большіе черные тараканы и нетолько на стѣнахъ и на потолокѣ, но вездѣ — на столѣ, на окнахъ, а у печки сидѣли такими кучами, что страшно вымолвить. Я закрылъ ротъ и не могъ сказать ни слова.

— Нѣтъ ужъ, тетушка, я лучше лягу въ сѣняхъ, сказалъ я и началъ пятиться къ двери.

Она засмѣялась.

— Знаю, парень, чего ты боишься, да мы горю пособимъ. Не бойся, я всѣхъ ихъ перезову въ другую горницу. Ты дурачекъ-хохленокъ и не знаешь, что, гдѣ тараканы въ домѣ, тамъ и благословеніе.

Хозяйка полѣзла на печку, вытащила большой горшокъ, вынула изъ-за образа сухой прутикъ и начала бить имъ по *стѣнамъ* (верхняя окраина горшка). Что-жъ бы вы думали? — сколько ни было таракановъ такъ отовсюду и пустились въ

горшокъ. Не успѣлъ я оглянуться, какъ уже ни одного не осталось.

— Что-жъ она ихъ кипяткомъ? спросилъ молодой парень.

— Дурень! ты-жъ развѣ не слыхалъ, что у нихъ тараканы значать счастье въ домѣ. Она ихъ просто вынесла къ себѣ въ хату.

— Да какъ же они послушались ее и полѣзли въ горшокъ?

— А поди, спроси ее. А что я видѣлъ собственными глазами, такъ видѣлъ.

— Я самъ, замѣтилъ я:—слыхалъ объ этомъ въ Орловской губерніи, а видѣть не приходилось, сказалъ я.

— То-то же. А вѣдь этого въ книгахъ не написано.

И рассказчикъ съ торжествомъ посмотрѣлъ на меня, но я, выдержавъ этотъ взоръ, спросилъ у него:

— Не видѣлъ ли ты, дѣдушка, еще какой диковинки?

— Отчего не видѣлъ! Прожилось почти десятковъ шесть, такъ случалось всего на вѣку. Вы слыхали, можетъ, про Почаевъ?

— Знаю.

— А откуда вы шли туда?

— Изъ Кіева на Бердичевъ.

— Ну, я вамъ хочу рассказать о другомъ трактѣ, если идти отсюда прямой дорогой. Лѣтъ тридцать тому назадъ шло насъ *чима*ло (много) на богомолье. Знаете, весело идти въ товариществѣ и не страшно, и въ случаѣ какого несчастья помогутъ земляки, потому что мы большею частью были изъ этой *околицы* (окрестности). Я былъ тогда моложе, подвижной такой: пройдешь версть десять — пятнадцать и вмѣсто того, чтобъ сѣсть отдыхать, какъ другіе, готовъ хоть въ присядку.

— О, ты былъ лихой парень, отозвался другой старикъ, сверстникъ рассказчика.

— Ну, подошли мы къ волынской границѣ. Одинъ товарищъ, вотъ изъ-подъ Китай-города, и говоритъ мнѣ:

— А знаешь что?

— А что? говорю.

— У меня тутъ недалеко сестра замужемъ.

— Ну?

— Хотѣлось бы, говорить:—побывать, ее уже года четыре какъ отдали въ эту сторону, и мы еще не видѣлись, да боюсь отстать отъ табора. Еслибы нашелся товарищъ, вдвоемъ, знаешь, веселѣе.

— А что, спрашиваю: — это, значить, ты меня подмого-рычиваешь?

— Сказалъ бы тебѣ великое спасибо. Мнѣ люди говорили на почлегѣ, что тутъ будетъ *ярѡкъ* (овражекъ), за ярѡкомъ *раздорожье* (перекрестокъ) и наклоненная старая фигура *), такъ оттуда и село видно, гдѣ моя сестра. Мы зашли бы, погостили, а тамъ, не спавши ночь, можно и своихъ догнать — видишь, какъ они плетутся нога за ногою.

— Ну, говорю: — ты знаешь, я для товарища готовъ... При томъ же сестра твоя вѣрно накормить насъ хорошенько, а мнѣ, признаюсь, надоѣла сухомятка.

— И какъ накормить! да еще мягкаго хлѣба дать на дорогу.

Вотъ мы сказали своимъ, что надо намъ *сбочить* (своротить всторону) — повидаться съ родичкой, и, дойдя до наклоненной фигуры, встрѣтили человѣка, котораго разспросили про село, и вышло, что оно-то и виднѣлось за лѣсомъ. Приходимъ. Сестра товарища была рада, прерада, не знала, гдѣ насъ посадить, чѣмъ шановать (угостить, хотя собственно значить уважить), а ужъ кормила каждую минуту. И то сказать — жила богато и хвалилась, что мужъ нетолько не обижалъ ея, а еще баловалъ. Погостили мы долго, посидѣли вечеромъ и начали собираться. Хозяева насъ не отпускали, но мы должны были догнать своихъ, а обѣщали, идучи назадъ, побывать въ гости и уже переночевать хоть двѣ ночи, потому что тогда можно было подѣхать и на лошадяхъ **). Хозяйка намъ напекла пироговъ, надавала хлѣба, такъ что у каждаго изъ насъ въ торбѣ прибавилось тяжести, а хозяинъ взялся провести ближайшей дорогой. На разсвѣтѣ подходили мы къ большому лѣсу, откуда не надо уже было проводника и гдѣ зять моего товарища хотѣлъ отдохнуть у знакомаго пасѣчника (пчеловода).

— Пасѣка недалеко, сказалъ онъ намъ: — вонъ, смотрите, дымокъ подымается между липами. Пойдемте вмѣстѣ, поѣдимъ горячаго кулеша, а тамъ и съ Богомъ!

Мы согласились. Подходимъ къ пасѣкѣ. Просто рай, такъ хорошо вокругъ. За небольшимъ тыномъ стояло ульевъ около

*) Въ западныхъ губерніяхъ на перекресткахъ и вообще по дорогамъ стоятъ высокіе кресты съ распятіемъ. Подобный крестъ называется *фигурой*.

**) Богомольцы, идя къ цѣли, никогда не ѣдутъ, какъ бы ни были устали и даже больны, и только на возвратномъ пути слабы садятся на подводу. Такъ поступаютъ и многіе изъ высшаго класса.

пятидесяти. У будки (шалашъ) сидѣлъ сѣдой старикъ и кипятилъ воду въ котелкѣ. Зять моего товарища поздоровался съ нимъ и попросилъ сварить больше кулеша для *подорожныхъ* (дорожныхъ). Дѣдъ полѣзъ въ будку, вынулъ *клуночекъ* (мѣшочекъ) съ пшеномъ, прибавилъ воды въ котелокъ и живо сварилъ *снѣданье* (завтракъ). Мы сказали, что идемъ въ Почаевъ. Пасѣчникъ далъ намъ денегъ на молебень и просилъ принести ему образокъ Божіей Матери. Поблагодаривъ старика за угощенье и попрощавшись съ родичемъ, мы поспѣшили догонять своихъ и догнали къ обѣду. Ну, дошли мы благополучно до Почаева, помолились Богу, отслужили за пасѣчника молебень, купили ему образокъ и на обратномъ пути свернули опять съ товарищемъ по знакомой дорогѣ, черезъ пасѣку. Пасѣчникъ былъ намъ очень радъ, потчивалъ медомъ, свѣжимъ хлѣбомъ и, когда мы уходили, звался проводить насъ до опушки. Идемъ мы этакъ и балагуримъ, какъ вдругъ товарищъ мой замѣтилъ на дорогѣ большую змѣю, свернутую въ кольцо, и хотѣлъ ударить ее палкою. Пасѣчникъ удержалъ его за руку.

— Не тронь! сказалъ онъ: — вѣдь она тебя не трогаетъ.

— Все равно, укусить когонибудь.

— А ты не тронь, добрый человекъ.

Я удивился, а старикъ подошелъ къ змѣѣ, когда она, поднявъ головку, шипѣла и словно хотѣла броситься, и взялъ ее въ руки. Змѣя тотчасъ и обвилась вокругъ его локтя, да такъ и тянется къ лицу пасѣчника, высовывая жало *). Старикъ подержалъ, подержалъ ее и бережно пустилъ на землю. Змѣя опять обвилась вокругъ его ноги. Мы съ товарищемъ удивлялись и только.

— Вѣрно вы, дѣдушка, знаете? сказалъ я.

— Пожилось, *небоже* (племянникъ), на вѣку, такъ не мудрено знать кое-что.

— Да отчего же она ласкается, какъ собака?

— Такъ уже ей велѣно. Ну, вы добрые люди, чужестранные, сослужили мнѣ службу — хотите, я покажу вамъ не такую диковину.

— Покажите, дѣдушка, сказали мы оба въ одинъ голосъ.

— Идите за мной.

Мы свернули съ дороги и скоро очутились въ яру. Ста-

*) Простолыдины убѣждены, что змѣя жалить, а не кусаетъ зубами, и языкъ ея принимаютъ за жало.

рикъ велѣлъ намъ присѣсть на свалившееся дерево и не пугаться, какое диво ни привидѣлось бы намъ, потому что, по его словамъ, намъ не могло быть нисколько вреда. Мы и сѣли. Старикъ зашелъ за орѣшникъ, и намъ послышался какой-то легкой свистъ не то человѣческой, не то птичій, по крайней мѣрѣ я не слышалъ такого. Когда пасѣчникъ показался къ намъ изъ-за куста, въ рукахъ у него была какая-то *зіллина* (трава), которой я не знаю. Онъ сталъ на всходъ солнца и шепнулъ намъ: »молчите!« Мы съ товарищемъ и духъ притаили. Что же вы думаете? Какъ начали змѣи ползти отовсюду, такъ у меня въ сердцѣ *похолонуло* (похолодѣло), а товарищъ мой сидѣлъ блѣдный, какъ полотно. Приползло ихъ не десять, не двадцать, а цѣлыя сотни, и большія, и маленькія, и сѣрыя, и черныя, да такъ и вьются у ногъ пасѣчника. Иная шипитъ, поднявъ голову, другая словно визжитъ... У меня просто зарябило въ глазахъ. А старикъ стоитъ, какъ ни въ чемъ не бывало, только, знай, потрогиваетъ которую травкой да что-то приговариваетъ. Постоялъ онъ, постоялъ и пошелъ прямо за орѣшникъ, да такъ прямо и ступаетъ между гадомъ. Мнѣ казалось все это сномъ. Смотримъ, и змѣи за нимъ такъ и зашумѣли. Перегода немного, пасѣчникъ показался и смѣется.

— Ну, что, испугались? Не бойтесь всѣ уже расползлись куда слѣдуетъ. Змѣи бояться нечего: она не ужалитъ, если ее не тронешь. А бить за что же? вѣдь и ее сотворилъ Господь Богъ для какой нибудь потребности.

Когда мы пришли къ зятю моего товарища и начали рассказывать свою *пригуду* (приключеніе), намъ сказали, что это такой знахарь, какихъ, можетъ быть, не было во всемъ краю. Такъ вотъ что случается на бѣломъ свѣтѣ.

— Да, это штука мудрая, отозвался я: — правда, мнѣ случалось слышать о томъ, что сзываютъ змѣй, но самъ не видѣлъ, а хотѣлось бы.

— Вотъ видите ли, молвилъ рассказчикъ: — есть люди, что скликаютъ таракановъ и змѣй; почему же не можетъ быть такого *мытца*, который сѣумѣлъ бы перегнать рыбу изъ одного мѣста въ другое.

— Вотъ этому трудно повѣрить.

— Мало ли чему вы не вѣрите! А мы слышали. Мой покойный отецъ сказывалъ, что гдѣ-то въ Галиціи, возлѣ Звониграда, жилъ такой старикъ, но не буду *брехать* (лгать), не знаю — видѣлъ ли онъ этого старика или нѣтъ. Да что намъ

далеко ходить! Возьмемъ то, что дѣлалось на нашей памяти. Прежде было рыбы вдоволь, а теперь...

— Да вѣдь это вездѣ жалуются, дѣдушка: я жилъ недавно по Днѣпру, и тамъ, говорятъ, рыбы уменьшилось.

— Атъ, все теперь хуже, чѣмъ прежде, сказалъ старикъ, махнувъ рукою: — и паны стали хуже, и жидаы хуже, и жить на свѣтѣ хуже...

— Такъ, такъ! подтвердили крестьяне постарше.

Своротивъ на эту дорогу, разговоръ потерялъ уже для меня интересъ, и я, распрощавшись съ обществомъ, пошелъ на квартиру. На крыльцѣ, на лавочкѣ, сидѣла хорошенькая еврейка и на мое привѣтствіе отвѣтила ловкимъ поклономъ. Одѣта она была прилично и по модѣ; первая заговорила со мною по польски и спросила — какъ понравилось мнѣ мѣстечко. Слово за слово разговоръ завязался, и я узналъ, что она дочь хозяина, училась въ городѣ, любить читать, но въ Ушицѣ достать книгъ совершенно невозможно. Еврейка назвала мнѣ нѣсколько польскихъ оригинальныхъ и переводныхъ романовъ, которые удалось ей прочесть въ Каменцѣ, и судила, разумѣется, по своему о литературѣ. Молодая моя хозяйка была невѣста и скоро располагала оставить Ушицу, гдѣ, по ея словамъ, жизнь проходила и скучно, и однообразно.

На другой день собирался базаръ, и я вышелъ довольно рано потолкаться между народомъ. Крестьянъ сошлось и съѣхалось довольно изъ окрестныхъ селеній какъ подольскихъ, такъ и бессарабскихъ, но евреевъ ходило чуть ли не больше, и каждый изъ послѣднихъ старался овладѣть какимъ нибудь деревенскимъ продуктомъ. Кажется, ни одинъ крестьянинъ не уѣхалъ, не продавъ своего товара. Но меня занимали евреи, сидѣвшіе въ лавочкахъ и выносившіе на базаръ разныя разности — отъ готовыхъ сапоговъ и одежды до разноцвѣтныхъ монистъ и мѣдныхъ сережекъ. Особенно одинъ высокій сутуловатый еврей съ рыжей бородой, въ длинномъ кафтанѣ, интереснымъ способомъ заманивалъ къ себѣ покупателей, а болѣе покупательницъ: бросивъ весь свой товаръ на попеченіе дѣвочки лѣтъ девяти или десяти, онъ устремлялся прямо въ толпу и схватывалъ за рукавъ какую нибудь крестьянку.

— Вотъ иди за мной, такъ я тебѣ покажу платки и сережки, покажу иголки и ситцы, какихъ ты никогда не видала.

— Отвяжись, сатана, мнѣ ничего не нужно.

— О, да ты хитрая! Не нужно! Это ты говоришь, чтобъ я уступилъ подешевле.

— Пусти, не то буду ругать.

— Ты ругайся какъ хочешь, а ужъ отъ меня не отдѣлаешься: я нарочно уступлю такъ дешево, какъ не уступалъ и мой покойный батько, говорилъ еврей, подталкивая жертву къ товару.

— Вотъ навязался, проклятый! Я же тебѣ говорю, что ничего не надо. Пусти!

— Вотъ и мое мѣсто. Ну, скажи, видѣла ли ты гдѣ такіе платки?

И, придерживая одной рукой крестьянку, еврей другою живо развертывалъ передъ нею яркихъ цвѣтовъ бумажные платки и ситцы, а дѣвочка показывала серьги, ленты, тесемки и разныя мелочи. Крестьянка невольно увлекалась, а еврей быстрѣе разбрасывалъ линючія произведенія московскихъ фабрикъ.

— Все это продаю за полцѣны, шепталъ онъ, словно изъ боязни, чтобы кто ни услышалъ: — нужны деньги.

— Ты все брешешь. А почему вотъ этотъ желтый съ красными цвѣтами?

— Да ты купишь или такъ хочешь прицѣниться?

— Мнѣ не нужно, а я такъ...

— Если такъ, то три злота.

— То-то! А если продать?

— Ползлота скину.

Крестьянка дѣлаетъ движеніе удалиться, еврей хватается ее за рукавъ.

— А что дашь?

— Злотъ бы дала.

— И то гроши.

— Больше ни копѣйки. Пусти же меня, некогда.

— Прибавь.

— Ничего не прибавлю. Пусти, а не то ударю. Отступишь.

— Ну, какая же ты сердитая. Для тебя уступлю за злотъ и грошей двадцать (25 коп.).

— Злотъ.

— Давай деньги и носи на здоровье.

Заработавъ такимъ образомъ нѣсколько копѣекъ, неутомимый еврей снова отправлялся на охоту и ловилъ новую жертву. Иногда приводилъ онъ и солиднаго крестьянина, и молодого парня, но предпочиталъ женщинъ, хотя случалось, что

никакое краснорѣчіе не помогало и вмѣсто барышей получалъ онъ порядочную затрещину. Я ходилъ около часа по базару и строго слѣдилъ за оригинальнымъ евреемъ, который леталъ по всѣмъ направленіямъ, перекликиваясь, впрочемъ, односложными словами съ какимъ нибудь собратомъ. Наконецъ я подошелъ къ его дѣвочкѣ и остановился передъ товарами. Зоркій хозяинъ, издали увидѣвъ новаго покупателя, мигомъ очутился передо мною.

— Вамъ что угодно? спросилъ онъ ломанымъ русскимъ языкомъ.

— Хотѣлъ бы купить лентъ, сережекъ и разныхъ мелочей. Я всегда запасался подобными вещами для подарковъ дѣтямъ и дѣвушкамъ на квартирахъ и вообще по деревнямъ въ вознагражденіе за пѣсни и сказки.

Еврей мигомъ разложилъ передо мной требуемый товаръ и запросилъ четверную цѣну.

— За что же такъ дорого? сказалъ я: — вѣдь это цѣна неслыханная!

— За то, что товаръ другой. Вы думаете, я показывалъ вамъ то, что мужикамъ? Сохрани Богъ?

— Да вѣдь это все крестьянскіе наряды. Наконецъ у тебя другихъ и нѣтъ.

— У меня? а пойдете въ лавку.

— Нечего въ лавку, а на базарѣ у тебя все, что есть — для крестьянъ, и ты съ нихъ не смѣешь запросить вчетверо.

— Я такой, что и уступлю — нельзя же съ перваго раза. И точно я купилъ всѣ мелочи довольно дешево.

Переправясь изъ Старой Ушицы снова въ Бессарабію, къ селенію Корману, и слѣдуя внизъ по берегу, я остановился только въ селеніи Ломачинцахъ какъ для отдыха, такъ и потому, что въ его окрестностяхъ предстояло мнѣ познакомиться и съ древними пещерами, и съ еврейскою колоніей, и съ мѣстечкомъ Калюсомъ (Под. губ.), наконецъ, съ нѣсколькими десятками липованъ въ Бѣлоусовкѣ. Къ счастью, въ Ломачинцахъ жилъ образованный русскій помѣщикъ, Е. М. К—ій, и въ семействѣ его чрезвычайно пріятно проходили мои вечера послѣ дневныхъ трудовъ и скитаній. Помѣщикъ дѣлалъ для меня всевозможныя облегченія въ моихъ поискахъ, и я не помню подобной стоянки въ цѣлой Бессарабіи. Большое село Ломачинцы замѣчательно тѣмъ, что по всей этой мѣстности, отъ Хотина до Сорокъ, нигдѣ нѣтъ такого превосходнаго строеваго лѣса, а такъ какъ экономія отпускаетъ его

по дешевой цѣнѣ своимъ царанамъ, то и крестьянскія усадьбы отличаются здѣсь прочностью и удобствомъ. Все селеніе, почти покрытое сплошными садами и разбросанное по оврагамъ, такъ и просится подъ карандашъ живописца.

Какъ разъ въ то время царане собирались на митинги по случаю перехода отъ поссесора къ управленію самого владѣльца, и мнѣ удалось видѣть эти чисто народныя сходки не съ качествѣмъ оффиціального лица, а какъ простому зрителю. Сходки эти происходили возлѣ корчмы, возлѣ которой я и присутствовалъ. Притомъ же у меня было нѣсколько знакомыхъ царанъ, которыхъ я постарался задобрить, и посредствомъ ихъ пустилъ молву по селенію, что я не имѣю ничего общаго ни съ чиновниками, ни съ помѣщиками, а дѣлаю свое дѣло по Днѣстру и любопытствую только узнать народные нравы и обычаи. Я видѣлъ мірскія сходки въ Велико-россіи, гдѣ народъ собирался для передѣла земли, но тамъ споръ, шумъ, ссоры оставляли во мнѣ непріятное впечатлѣніе. Случилось мнѣ видѣть громаду и въ Малороссіи при выборѣ старшинъ, но и здѣсь дѣло не обходилось безъ крика и ссоръ, потому что у каждаго кандидата была своя партія; и эти сходки не оставили во мнѣ отраднаго воспоминанія. Но въ Ломачинцахъ, могу сказать, въ первый разъ я видѣлъ нашего простолюдина въ толпѣ равныхъ, гдѣ общій интересъ одинаково руководилъ всѣми и гдѣ какія бы ни были домашнія дразги и личности уступали мѣсто серьезному разговору. Мнѣ чрезвычайно было любопытно присутствовать при подобномъ собраніи, на которое являлись представители семействъ для обсужденія общественнаго дѣла. По крайней мѣрѣ мнѣ казалось, что на ломачинской сходкѣ исчезли всѣ различія — и богато одѣтый руснакъ подходилъ дружески къ сосѣду въ вытертой свитѣ, и старикъ безъ обычнаго резонерства разговаривалъ съ молодымъ, и долго народъ бесѣдовалъ отдѣльными кружками. Я позабылъ однако же сказать о поводѣ этихъ митинговъ. Е. М. К—ій по какому-то поводу хотѣлъ отобрать имѣніе отъ поссесора, слѣдовательно царанамъ приходилось перемѣнять условія, и хоть контрактъ, предлагаемый настоящимъ помѣщикомъ былъ гораздо либеральнѣе прежняго, однако они не рѣшились принять его безъ основательнаго обсужденія. О бытѣ бессарабскаго царанина читатель имѣетъ понятіе изъ первыхъ главъ и знаетъ, что крестьянинъ этотъ стѣсненъ общими положеніями, и потому нѣтъ ничего удивительнаго, если онъ недовѣрчиво смотритъ

на самыя выгодныя условія самаго гуманнаго помѣщика, подзрѣвая непремѣнно запасную мысль со стороны послѣдняго. Изъ предварительныхъ разговоровъ съ крестьянами я зналъ, что они были недовольны поссессорскимъ управленіемъ и нетерпѣливо желали войти въ непосредственныя отношенія съ настоящимъ владѣльцемъ, о которомъ отзывались очень хорошо; но въ рѣшительную минуту призадумались. Я сидѣлъ съ двумя пожилыми руснаками, изъ которыхъ съ однимъ долго какъ-то бесѣдовалъ въ полѣ, а съ другимъ познакомился у своей хозяйки. Входя поочередно въ кружки, они сообщали мнѣ ходъ дѣла. Но меня интересовалъ не исходъ вопроса, потому что я былъ увѣренъ въ согласіи громады на условія, а хотѣлось послушать народныхъ ораторовъ, которые должны же были овладѣть общимъ вниманіемъ. Понятно, что у помѣщика сторонниковъ быть не могло, ибо каждый царанинъ имѣлъ свою долю интереса въ общественномъ дѣлѣ, а разногласіе могло возникать только отъ различнаго пониманія предмета и отъ большей или меньшей степени своекорыстія. Совѣщаніе отдѣльныхъ кружковъ происходило очень долго, такъ что я началъ терять терпѣніе. Наконецъ мало по малу кружки смѣшивались, народъ переходилъ изъ одного въ другой, обыкновенный говоръ, издали походившій на гудѣнье пчелъ въ ульѣ, становился явственнѣе, и скоро толпа сгустилась въ плотную массу, изъ которой выдѣлился приземистый немолодой руснакъ и снялъ шапку передъ громадой. Это былъ царанинъ лѣтъ подъ пятьдесятъ съ худощавымъ пріятнымъ лицомъ, одѣтый ни богато, ни бѣдно, съ длинными свѣтлыми волосами и быстрымъ проницательнымъ взглядомъ. Когда онъ поклонился собранію и потомъ величаво надѣлъ шапку, вся громада смолкла, такъ что на площадкѣ, гдѣ раздавался гулъ, не слышно было слова и только вокругъ, гдѣ стояли женщины и дѣти, явственнѣе начали раздаваться голоса, выражавшіе совершенно другіе интересы... Я старался не проронить ни одного слова. Руснакъ чистымъ, звучнымъ голосомъ началъ держать рѣчь. Для большей ясности я передамъ ее по русски.

»Вы хотите знать, какъ я думаю. Хорошо, я скажу вамъ, какъ я думаю. Вокругъ насъ, по всему уѣзду, царане и нѣтъ казенныхъ крестьянъ — стало быть можно было насмотрѣться, какъ гдѣ живутъ люди. Не знаю, видѣлъ ли кто изъ васъ, чтобъ царанину было хорошо, а я, признаться, не видѣлъ и не слышалъ. Значить, нашему брату »куда ни кинь,

все клинъ — лучше ничего не выдумаешь. Нашъ помѣщикъ никогда не притѣснялъ насъ, какъ другіе, а иной разъ и оглядывался на какого нибудь бѣдняка или кого постигала бѣда. Мы знаемъ, что есть хуже — стало быть надо *взять его пунты* (принять его условія)».

Ораторъ кончилъ, и вокругъ него заволновалась толпа и снова зашумѣла. Черезъ нѣсколько времени вышелъ впередъ высокій руснакъ съ просѣдью. Онъ говорилъ громче и сохранялъ суровое выраженіе лица. Онъ налегалъ на необходимость требовать у помѣщика нѣкоторыхъ облегченій и заключилъ, что, хоть онъ и не надѣется на успѣхъ, однако, не мѣшаетъ потребовать.

— Не будетъ изъ этого ничего, отозвалось нѣсколько чело-
вѣкъ: — и еще не разсердился бы онъ.

Тутъ произошелъ легкій споръ консерватизма съ либерализмомъ, но рѣшено было однако же прежде принятія условій попросить небольшихъ льготъ, и для этого выбраны были депутаты, которыхъ тотчасъ же и угостила громада.

Видѣлъ я потомъ этихъ самыхъ царанъ во дворѣ у помѣщика. Е. М. К—ій стоялъ среди нихъ и разговаривалъ съ ними миролюбиво по руснацки. Въ общемъ смыслѣ его условія были приняты, шло дѣло о нѣкоторыхъ частностяхъ, улаженныхъ однако-жъ такъ, чтобъ впослѣдствіи не могло возникнуть обоюдныхъ недоразумѣній.

Несмотря на то, что царане вообще народъ угнетенный и запуганный, я не замѣтилъ между ломачинскими руснаками ни подобострастія, ни низкопоклонничества. Громада вела себя съ достоинствомъ и, мнѣ даже показалось, съ сознаниемъ, что владѣлецъ принималъ участіе въ ихъ интересахъ.

Вообще пребываніе въ Ломачинцахъ оставило во мнѣ самое отрадное впечатлѣніе, и я могу сказать, положа руку на сердце, что нигдѣ въ Бессарабіи я не видѣлъ такого довольствія въ быту помѣщичьяго крестьянина и отсутствія тѣхъ злоупотребленій, которыя сплошь и рядомъ существуютъ во владѣльческихъ селеніяхъ.

Къ западу отъ Ломачинецъ, черезъ густой лѣсъ, лежитъ небольшая деревенька, Непоротово, возлѣ которой находятся замѣчательныя пещеры. Въ одно утро отправился я туда на поиски въ сопровожденіи смышленнаго парня. Перейдя поле, а потомъ лѣсъ, мы подошли къ небольшому плетню, окружавшему красивый виноградникъ. За оградой стояла хата, гдѣ помѣщался съ семействомъ сторожъ, отставной или без-

срочный солдатъ, у котораго надо было спросить позволеніе пройти къ пещерамъ черезъ садъ, иначе намъ предстояли длинный путь въ обходъ и тяжелая дорога. Сторожъ не только не оказалъ сопротивленія, а предложилъ проводить насъ и показать все любопытное. Миновавъ виноградникъ и пробравшись прямо по травѣ къ обрыву, мы нашли одну продольную тропинку, по которой сдѣлали еще шаговъ сорокъ. Тропинка эта вела къ Днѣстру и представляла не обыкновенно крутой спускъ, по которому можно было идти только потому, что по обѣимъ сторонамъ росли деревья, но они же скрывали видъ на рѣку, такъ что незнакомому съ мѣстностью неизвѣстно ни степени высоты, на которой находишься, ни противъ какого мѣста подольскаго берега лежитъ эта дорога. Остановясь на одной площадкѣ, проводникъ раздвинулъ вѣтви и пригласилъ меня слѣдовать за собою. Цѣпляясь кое-какъ за сучья и камни, мы вышли наконецъ на широкую дорогу, подымавшуюся подъ другимъ угломъ, и пошли налѣво, назадъ въ гору, подъ нависнувшими скалами самыхъ прихотливыхъ очертаній. Неожиданно проводникъ поворотилъ вправо, взлѣзъ на уступъ и предложилъ мнѣ сдѣлать то же. Секунда — и передо мной открылась великолѣпная панорама приднѣстровья. Мы очутились на вершинѣ выдавагося утеса, который висѣлъ саженьяхъ въ восьмидесяти надъ рѣкою, образуя острый уголъ скалы, поворачивающей въ огромное ущелье, спускающееся въ днѣстровскую долину. Нѣсколько аршинъ выше — и начинались извѣстныя пещеры, куда уже легко было добраться по уступамъ. Пещеры эти, въ которыхъ, по словамъ мѣстныхъ жителей, былъ монастырь, и, сколько мнѣ извѣстно, монастырь раскольничій, интересны если не по остаткамъ древностей, то по своему оригинальному устройству. Представьте себѣ довольно широкую галерею, вырубленную въ горѣ и поддерживаемую натуральными столбами. Въ углубленіи есть нѣсколько нишъ съ вырѣзанными на стѣнахъ крестами — и вотъ все, что представляется взорамъ путешественника. По словамъ одного стараго грека-помѣщика подобныя пещеры относятся къ первымъ вѣкамъ христіанства, когда христіане, преслѣдуемые язычниками, скрывались въ неприступныхъ мѣстахъ для отпращиванія своего богослуженія. Мнѣ кажется, даже это могли быть и просто жилища дикарей, хотя и не выдаю этой гипотезы за истину. Впослѣдствіи, конечно, не могло быть мѣстъ болѣе удобныхъ для раскольничьихъ монастырей во

время переселенія раскольниковъ изъ Россіи. Пещера возлѣ Непоротова читается однако же окрестными жителями какъ мѣсто бывшей святыни, и проводникъ мнѣ рассказывалъ, что иногда народъ приходитъ сюда на поклоненіе и нѣкоторыя набожныя старушки прилѣпляють къ камнямъ восковыя свѣчи. Слѣды угля и золы проводникъ мнѣ объяснялъ, говоря, что это дѣло пастуховъ, которые въ ненастную, холодную погоду забираются подъ галерею, разводять огонь и грѣются, а иногда готовятъ пищу. Но на этой галереѣ можно просидѣть долго съ большимъ удовольствіемъ. Видъ на далекую окрестность, красота утесовъ, яркая зелень лѣса, идущаго уступами къ рѣкѣ, за которой правильными рядами зеленѣютъ поля кукурузы, вдали, за холмомъ, бѣлѣющіе костель и палацо въ мѣстечкѣ Калюсѣ — все это въ состояніи занять даже и того, кто привыкъ къ пейзажамъ приднѣстровья. Къ довершенію картины нѣсколько большихъ орловъ, шумя крыльями, хотѣли спуститься на скалу, но увидя насъ, поспѣшно давали крутой поворотъ и уносились выше спиральными кругами. Порода здѣшнихъ орловъ гораздо крупнѣе тѣхъ, какихъ мнѣ удавалось видѣть по берегамъ Днѣпра. По словамъ проводника они живутъ въ сосѣднемъ ущельѣ и не прочь полакомиться домашней птицей. Отдыхая на углу галереи, у грубаго столба, откуда мнѣ были видны приднѣстровскіе пейзажи и вся глубина дикаго ущелья, я съ удовольствіемъ подумалъ, что могу еще придти сюда полюбоваться дивной даровой панорамой, но, зная изъ опыта утомительную дорогу, началъ спрашивать у проводника, нельзя ли пробраться изъ сада какъ нибудь прямѣе.

— Мы ходимъ отвѣтилъ онъ: — только надо привычному человѣку.

— А близко?

— Да, только подняться на гребень — и въ саду.

— Я просилъ вести меня обратно кратчайшимъ путемъ, который оказался тутъ же возлѣ пещеры. Опасности большой нѣтъ, потому что узкій проходъ по каменистому косогору имѣетъ довольно прочныхъ уступовъ, на которые ступать хорошо, и только требуется немного присутствія духа или, лучше сказать, привычка не теряться, идя нѣсколько шаговъ по окраинѣ пропасти. Вылѣзть на гребень можно даже безъ особыхъ усилій.

Бздилъ я изъ Ломачинецъ также въ еврейскую колонію и въ мѣстечко Калюсѣ. Колонисты живо напомнили мнѣ сво-

ихъ собратьевъ, поселенныхъ по Днѣпру, возлѣ Берислава. Конечно, мѣстность набросила свой колоритъ на здѣшняго колониста, но въ сущности это тѣ же евреи, описанные мной въ первой части моей «Поѣздки въ южную Россію»; и здѣсь земледѣліе у нихъ въ плохомъ состояніи, а развиты промышленность, мелочная торговля и разныя спекуляціи, чему служатъ подспорьемъ близлежація мѣстечки, наполненные евреями. Мужчинъ почти никогда нѣтъ въ колоніи, за исключеніемъ дней, когда ожидаютъ ревизора и когда съѣзжаются, чтобы показать свою земледѣльческую дѣятельность. Заблаговременно у окрестныхъ царанъ добываютъ они себѣ и скотъ, и орудія на прокатъ, чтобы блеснуть передъ начальствомъ. Поля ихъ, конечно, обработаны, но чужими руками и въ чужую пользу, потому что еврею необходимо представлять свой участокъ воздѣланнымъ. Тогда, говорятъ, — я, къ сожалѣнію, не видѣлъ этихъ смотровъ — колонія представляетъ довольно оживленный видъ и колонисты выходятъ въ поле, гдѣ и занимаютъ на нѣкоторое время роль земледѣльцевъ. Съ отъѣздомъ ревизора, не успѣвъ еще слѣдъ простыть, запрягаются еврейскія телѣжки и колонисты исчезаютъ на продолжительное время, кто куда попало.

Кажется, на другой день пріѣзда моего въ Ломачинцы, подъ вечеръ, вошелъ ко мнѣ въ хату незнакомый еврей и остановился у порога. Небольшая тощая фигурка эта обладала такими подвижными глазами, что взоръ ихъ на секунду не останавливался на одномъ предметѣ.

— Что надо, любезный? спросилъ я, не пренебрегая никакими знакомствами.

— Къ вашей милости.

Не понимая въ чемъ дѣло, я посмотрѣлъ на него вопросительно.

— Вы изъ Петербурга?

— Да.

— Можетъ быть будете ревизовать колонію?

— Я ничего не ревизую и не имѣю на это никакого права.

— Такъ; а, можетъ быть, полюбопытствуете?

— Вѣроятно полюбопытствую.

— Теперь, признаться, мало народу: всѣ разъѣхались на ярмарки.

— Мнѣ вѣдь это все равно. Конечно, пріятно было бы видѣть колонистовъ, но если ихъ нѣтъ...

— Они всё работают, и какъ еще! лучше мужиковъ! да нельзя же и торговли бросить. Мы люди бѣдные. Поля у насъ въ исправности, сами увидите.

— Признайся, что ты не вѣришь мнѣ и считаешь меня ревизоромъ.

— Мы не можемъ знать... Наше дѣло принять всякое начальство.

— А ты грамотный?

— Немного.

— Ну, вотъ возьми мой открытый листъ и убѣдишься, что я не начальство и даже не чиновникъ.

Еврей со страхомъ развернулъ бумагу.

— Вы осматриваете рыболовство и судоходство?

— Да.

— Значитъ не касаетесь до хлѣбопашества?

— Нисколько.

— А мы земледѣльцы. Но все-таки пріѣзжайте, посмотрите.

Мнѣ, впрочемъ, еще въ Хотинѣ рассказывали объ этихъ земледѣльцахъ, а, проживая въ херсонскихъ еврейскихъ колоніяхъ, я довольно насмотрѣлся на ихъ хозяйство и приблизительно могъ судить и о здѣшнемъ хлѣбопашествѣ.

— Ну, любезный другъ, чтобъ тебя успокоить, я долженъ сказать откровенно, что мнѣ нѣтъ никакого дѣла до вашего хозяйства, въ колоніи я буду изъ любопытства, и потому бояться меня нечего.

— Да мы никакого худа не дѣлаемъ, чтобъ бояться, а все неровень часъ.

— Со мною неровнаго часа быть не можетъ. Разѣхались ли евреи по ярмаркамъ или промышляютъ на сторонѣ — это ихъ дѣло, обрабатываютъ ли они поля или отдаютъ въ наймы царанамъ — это тоже до меня не касается..

Еврей улыбнулся, но въ этой улыбкѣ замѣтна была недовѣрчивость.

— Вамъ вѣрно рассказывали кое-что.

— Рассказывали. Но я посѣщалъ еврейскія колоніи въ херсонской губерніи и знаю ихъ хозяйство.

— Правду сказать, еврей не можетъ быть хорошимъ хлѣбопашцемъ.

— И я такъ думаю.

— Мы больше все народъ мастеровой, торговый. Можетъ быть вамъ чтонибудь требуется изъ товаровъ?

— Ничего не надо. А у васъ есть?

— У насъ мало, а въ Калюсѣ можно достать за сходную цѣну, что угодно. А я, признаться, думалъ, что вы ревизуете, приходилъ развѣдать... Можно бы собрать кое-кого изъ нашихъ, кто недалеко.

— Не беспокойтесь и занимайтесь своими дѣлами.

Еврей ушелъ, видимо успокоенный.

Дня черезъ два послѣ этого визита, рано утромъ, отправился я пѣшкомъ въ еврейскую колонію. Она расположена надъ самымъ Днѣстромъ и состоитъ изъ бѣлыхъ домиковъ съ кирпичными трубами; нѣкоторые изъ нихъ огорожены, но у каждаго есть клѣтушки для скота, хотя сарайчики эти сдѣланы болѣе во исполненіе обязанности, нежели для защиты животныхъ отъ непогоды. Взрослыхъ не видно было никого, но куча дѣтей рѣзвилась и бѣгала по улицѣ: необыкновенная плодовитость евреевъ вездѣ бросается въ глаза и, конечно, имѣетъ какую нибудь особенную физиологическую причину, потому что этого собственно нельзя отнести къ раннимъ бракамъ іудейскаго племени. И наше простонародье женится и выходитъ замужъ, едва достигнувъ узаконенныхъ лѣтъ, однако же у нашихъ крестьянъ нѣтъ столько дѣтей, сколько у евреевъ, У послѣднихъ потомство доходить иногда до огромныхъ размѣровъ, такъ что у инаго изба буквально полна ребятишекъ.

У нѣкоторыхъ домиковъ стояли запряженные телѣги; я рѣшился войти въ какое нибудь жилище попросить стаканъ воды и выбралъ домъ на удачу. Съ улицы вошелъ я въ сѣни и отворилъ дверь въ комнату; за столомъ сидѣли два еврея въ шапкахъ. Одинъ курилъ папиросу, другой писалъ что-то на клочкѣ бумаги. Нечистая, грязная комната съ разбросаннымъ бѣльемъ, съ разнородными припасами, валявшимися на столѣ, на стульяхъ и на окнахъ, лужи на полу, удушливый воздухъ, наполненный міазмами, а главное—неопрятная старая еврейка, вышедшая съ засученными рукавами и начавшая возиться у печки, — уничтожили во мнѣ жажду, такъ что, мгновенно перемѣнивъ намѣреніе напиться, я придумалъ попросить огня, зажечь папиросу. Одинъ изъ евреевъ всталъ при моемъ привѣтствіи и спросилъ, что мнѣ угодно.

— Попрошу огня. Я позабылъ спички.

— Вотъ огонь. А вы, вѣрно, изъ Ломачинець?

— Да.

— Знаю. Прошу садиться.

И мнѣ придвинули стулъ, съ котораго обязательный хо-

зяинъ снялъ корыто, гдѣ полоскали говядину. Дѣлать нечего, надо было садиться, что я исполнилъ съ крайней неохотой. Въ это время вошелъ мой знакомый и вывелъ меня изъ затрудненія, предложивъ осмотрѣть колонію. Сперва мы зашли въ его домикъ, куда, впрочемъ, явились человѣка три евреевъ, гдѣ я отдохнулъ и попросилъ напиться съ удовольствіемъ, потому что комната была чистая и вся утварь и посуда содержались въ опрятности. Евреи рассказывали о новой тогда откупной системѣ, введенной въ Подольской губ. откупщикомъ Кокоревымъ. Одинъ изъ евреевъ, коренастый малый, человѣкъ умный и, должно быть, плутоватый, рассказывалъ много анекдотовъ изъ откупнаго быта прежнихъ временъ и очень рельефно выставлялъ нѣкоторыя личности, разбогатѣвшія неправдой и вопіющими злоупотребленіями. Интересенъ былъ взглядъ его на простонародье, хотя онъ, конечно, принадлежитъ и большинству нашихъ спекулянтовъ всѣхъ націй, даже тѣмъ, которые во всеуслышаніе проповѣдуютъ филантропію.

— Мужикъ, говорилъ онъ: — никому пользы не приноситъ ни торговцу, ни ремесленнику: у него все свое, домашнее, онъ покупаетъ только необходимое. Деньги въ его рукахъ все равно, что умерли. Заплатилъ мужикъ подати и прячетъ деньги въ сундукахъ или зарываетъ въ землю. У него не вытащить ни копѣйки. Не будь откупа, всѣмъ пришлось бы плохо.

— Т. е. откупщикамъ? сказалъ я.

— Нѣтъ, позвольте! Въ каждомъ, даже небольшомъ, откупѣ есть свои служащіе, притомъ сколько чиновниковъ пользуется и даровой водкой, и постояннымъ жалованіемъ... А мужикъ дуракъ: у него надо вытаскивать деньги для оборота.

— Впрочемъ, въ Бессарабіи, я думаю, богатыхъ немного?

— Изъ царанъ немного, а изъ резешей есть просто богачи. Ну, да у насъ виноградное вино много портитъ дѣло откупщикамъ. Знаете, и въ Петербургѣ уже хлопотали объ этомъ, да ничего не подѣлаютъ.

Хозяинъ предложилъ однако-жъ осмотрѣть колонію. Дѣйствительно поля обрабатывались, но, какъ я уже сказалъ выше, трудъ этотъ принадлежалъ царанамъ, и только одинъ старичекъ показывалъ мнѣ съ гордостью на продукты, добытые собственными руками. Но и у этого старика былъ не большой складъ товаровъ, съ которыми онъ выѣзжалъ на ярмарки и базары. Въ колоніи мнѣ предлагали купить по-

лотна, платковъ, чаю и увѣряли, что продадутъ дешевле, чѣмъ въ Калюсѣ или Сокирянахъ.

На противоположной сторонѣ лежитъ большое торговое мѣстечко, Калюсъ, при впаденіи въ Днѣстръ рѣки того же имени. Прежде оно называлось городомъ, на который и похоже порядочными строеніями, окружающими рыночную площадь. Хотѣлъ я осмотрѣть костель и помѣщичій палацъ, но за чѣмъ-то отсутствіемъ не получилъ разрѣшенія и только обошелъ мѣстечко, заходя изъ любопытства въ нѣкоторыя еврейскія лавки. Дѣйствительно въ Калюсѣ можно приобрѣсть недорого какіе угодно товары. Обстоятельство это объясняется тѣмъ, что здѣшніе евреи имѣютъ сношеніе съ Хотинномъ и Бричанами, главными складами контрабанды. Хозяинъ, у котораго я останавливался, рассказывалъ, что Калюсъ прежде славился своей торговлей, а что теперь нѣтъ и въ половину той дѣятельности, которою кипѣлъ городъ, но не могъ объяснить причины этого упадка. Впрочемъ, евреи говорятъ иначе: по ихъ словамъ Калюсъ точно не представляетъ прежней дѣятельности, но оборотъ капиталовъ чуть ли даже не увеличился. Вообще въ этомъ глухомъ уголкѣ торговля покрыта мракомъ, потому что, кажется, ей и неловко было бы не скрываться подъ покровомъ тайны. Впрочемъ, это, можетъ, одни мои предположенія. Читатели, вѣроятно, помнятъ моего знакомаго, Янкеля, описаннаго въ первыхъ главахъ очерковъ, и не позабыли его обширныхъ свѣдѣній по части недозволенной торговли на границѣ. Онъ мнѣ говорилъ однажды, что, кромѣ Бричанъ и Сокирянъ въ Бессарабіи, есть еще мѣстечки и въ Подольской губерніи, которыя много способствуютъ тайному провозу товаровъ изъ Хотина и изъ окрестностей Каменецъ-Подольска.

Возвращаясь изъ Калюса черезъ Непоротово, по выѣздѣ я былъ пріятно изумленъ неожиданнымъ зрѣлищемъ. На бессарабскомъ берегу, на отдѣльномъ утесѣ, показался мнѣ красивый городокъ или, по крайней мѣрѣ, нѣсколько красивыхъ зданій съ большими окнами и разноцвѣтными крышами.

— Что это строится? спросилъ я проводника, не понимая— какимъ образомъ никто въ Ломачинцахъ не сказалъ мнѣ объ этомъ.

— Гдѣ?

— Вонъ, по берегу, дома какіе-то.

— Это такъ себѣ, отвѣтилъ проводникъ, засмѣявшись.

— Какъ, такъ себѣ?

— Да вы присмотритесь, это просто намалевано.

Я посмотрѣлъ въ бинокль и дѣйствительно увидѣлъ на скалѣ декорацію. Это была затѣя прежняго владѣльца Калюса, которому пришла фантазія разрисовать утесъ, лежащій въ другой губерніи. Впослѣдствіи мнѣ рассказывали, что это сдѣлано было для красоты вида изъ оконъ палаццо; другіе же увѣряли, что богатый панъ выкинулъ такую штуку для мистификаціи.

Пользуясь близостью селенія Бѣлоусовки, мнѣ хотѣлось посмотрѣть на бытъ липованъ, хоть поверхностно, хоть мимоходомъ, потому что я не имѣлъ никакого предлога пожить нѣсколько времени между ними. Самый удобный для этого случай представила мнѣ поѣздка на ярмарку въ мѣстечко Сокиряны, куда путь лежалъ черезъ Бѣлоусовку; и я приостановился на липованской половинѣ, упробившись въ одной избѣ отдохнуть съ дороги. Дородная молодая женщина пустила меня въ большую чистую комнату и осталась разговаривать со мною. Всѣ почти мужчины выѣхали на ярмарку, такъ что моя попытка не увѣнчалась успѣхомъ. Какой-то старикъ однако-жъ зашелъ въ избу и, косясь, посмотрѣлъ на мою особу. Я попросилъ молока и хлѣба, что охотно было исполнено хозяйкой, но хоть у нея много видѣлъ я въ поставцѣ посуды, однако она выходила куда-то и принесла съ собою миску и ложку. Мужской и женскій костюмы, утварь, хозяйственныя принадлежности, видѣнныя мною на дворѣ, — все было по образцу великорусскому. Старикъ родился уже здѣсь и, по его словамъ, не зналъ, откуда вышли его предки, хоть я и подозрѣваю, что онъ просто не хотѣлъ мнѣ сказать этого. Онъ однако-жъ спрашивалъ, не чиновникъ ли я, зачѣмъ заѣхалъ въ ихъ сторону и проч. Поискъ мой оказался весьма неудачнымъ, потому что въ другія избы входить было бы неловко, и я ограничился разспросами о хозяйствѣ, промышленности, на что получилъ самые неопредѣленные, уклончивые отвѣты. »Жить, молъ, намъ хорошо, никто не обижаетъ, урожай годъ на годъ не приходится, мы никуда не ѣздимъ« — вотъ и все. Конечно, я зналъ, что бѣлоусовскіе липоване имѣютъ сношенія со своими единовѣрцами не только въ Бессарабіи и Херсонской губерніи, но и въ Австріи, однако спрашивать объ этомъ не было никакой возможности. Я намекалъ, что видѣлъ липованъ въ Хотинѣ и Грубной, однако это ни къ чему не послужило. Старикъ обмѣнивался съ хозяйкой бѣглыми взорами, изъ которыхъ я понялъ, что въ

Бѣлоусовкѣ мнѣ дѣлать нечего. Передъ отъѣздомъ я едва могъ уговорить хозяйку взять съ меня деньги за молоко, отъ которыхъ она отказывалась подъ тѣмъ предлогомъ, что каждый обязанъ накормить и напоить дорожнаго. Я прошелся пѣшкомъ по деревнѣ и мигомъ перенесся въ Великороссію, и хотъ собственно избы лишены сѣвернаго характера, но всѣ хозяйственныя постройки и принадлежности рѣзко отличаются отъ бессарабскихъ. Свѣтловолосые мальчишки въ красныхъ рубашкахъ съ косымъ воротомъ, подпоясанные ниже живота, съ кнутаками играли въ лошадки; дѣвочки въ однѣхъ рубашонкахъ, но съ платочками на головахъ, раздѣляли игры своихъ братьевъ и веселымъ смѣхомъ оглашали улицу.

Мѣстечко Сокиряны (оффиц. Сикуряны), весь рынокъ котораго застроенъ большими еврейскими домами, представляло во время ярмарки необыкновенное движеніе. Вся площадь и прилегавшія улицы были запружены повозками и народомъ, состоявшимъ изъ трехъ національностей: руснацкой, молдавской и еврейской. Въ толпѣ ходили владѣльческія и поссесорскія семейства, отдѣлявшіяся отъ массы нарядами, приемами и нѣкоторою спѣсью. Ярмарка была, собственно, такъ называемая черная, гдѣ преимущественно продавался скотъ, но какъ Сокиряны въ послѣднее время начали соперничать съ Бричанами, то у мѣстныхъ евреевъ можно найти всякую контрабанду и въ лавкахъ вы достанете все, что угодно. Но меня интересовало молдавское племя, съ которымъ скоро приходилось познакомиться. Типъ похожъ на малорусскій, только женщины вообще очень красивы и, несмотря на полевая работы, умѣютъ сохранять свои миловидныя лица отъ загара, закрываясь платками и особаго рода покрывалами. Говоръ смѣшанныхъ нарѣчій пріятно дѣйствовалъ на мой слухъ, и нельзя было не удивляться способности евреевъ, разговаривавшихъ на трехъ языкахъ такъ же свободно, какъ на своемъ собственномъ. Считаю лишнимъ упомянуть, что на ярмаркѣ слышны ругательныя фразы необыкновенно интересной конструкции. Молдаване въ этомъ отношеніи весьма искусные специалисты, и если неприличная брань вошла въ плоть и кровь руснаковъ, то послѣдніе этимъ обязаны молдаванамъ. Начатками моихъ слабыхъ познаній въ молдавскомъ языкѣ были именно бранныя слова, потому что, раздаваясь ежеминутно въ моихъ ушахъ, они оставались неволью въ памяти, въ то время, когда я даже не зналъ ихъ содержанія.

За исключеніемъ новаго для меня элемента, сокирянская

ярмарка не отличается много отъ прочихъ сельскихъ ярмарокъ, и потому считаю излишнимъ вдаваться въ подробное описаніе, тѣмъ болѣе, что, не зная по молдавски, я не могъ подслушать никакихъ интересныхъ разговоровъ. Я замѣтилъ только одно, что евреи и нѣкоторые руснаки говорили по молдавски съ молдаванами, но послѣдніе иначе не выражались, какъ на своемъ языкѣ, и всѣ, къ кому я изъ нихъ ни обращался съ вопросами, отвѣчали мнѣ: »нушти« (не знаю).

Слѣдуя берегомъ изъ Ломачинець, я уже началъ встрѣчать виноградники, которые до сихъ поръ попадались еще какъ роскошь, но, чѣмъ далѣе внизъ, тѣмъ дѣлались чаще и начали становиться предметомъ промышленности. Между селеніями Ожевомъ и Наславче одинъ помѣщикъ просилъ даже моего содѣйствія — не въ состояніи ли я помочь царанамъ по этому случаю. Путейское вѣдомство вздумало хлопотать о бечевникѣ, вслѣдствіе положенія, что вдоль судоходныхъ рѣкъ берега на разстояніи десяти сажень должны быть очищены отъ деревьевъ для облегченія бечеваго пути, и собирались рубить виноградные сады, прилегавшіе къ самому берегу. Разумѣется, я не могъ оказать никакой помощи, хотя мнѣ и очевидно было, что собирались приложить букву закона тамъ, гдѣ она противорѣчитъ истинному его смыслу. Весьма понятно, что бечевникъ необходимъ въ мѣстахъ, гдѣ существуетъ водное судоходство, которое на Днѣстрѣ еще не существовало, особенно въ верховьяхъ, да и врядъ ли когда можетъ существовать, принимая во вниманіе, что прилегающія провинціи Австріи изобилуютъ тѣми же продуктами, что Бессарабія и Подольская губернія, и потому въ бечевникѣ нѣтъ никакой надобности. Притомъ же Днѣстръ течетъ въ крутыхъ, иногда отвѣсныхъ, берегахъ, подымающихся на нѣсколько десятковъ сажень — слѣдовательно на нихъ не можетъ быть нетолько узаконенной мѣры бечевника, но и никакого. Расчищать же берега на мѣстахъ удобныхъ для этой надобности — значитъ лишь притѣснять жителей безъ пользы судоходству и для непроизводительной затраты казенныхъ денегъ. Галеры обыкновенно идутъ внизъ по Днѣстру, преимущественно къ лиману, а если возвращаются нѣкоторыя назадъ, то развѣ до порога. Если впоследствии оказалась бы необходимость въ слѣдованіи вверхъ пустыхъ галеръ и даже съ грузомъ, то удобнѣе и дешевле всего было бы завести плоскодонные буксирные пароходики какъ потому, что преимущество пароваго двигателя передъ всѣми прочими признано неоспоримымъ, такъ и

потому, что при необыкновенной быстротѣ Днѣстра и при его скалистыхъ берегахъ бечевою идти рѣшительно невозможно.

Нѣсколько дней прожилъ я въ послѣдней руснацкой деревнѣ, Наславче, которая, независимо отъ красивой мѣстности, замѣчательна еще и въ геологическомъ отношеніи. Стоитъ она на скалахъ и окружена скалистыми возвышенностями. При мнѣ, во время рытья подъ фундаментъ, выкопаны были кости какого-то огромнаго несущаго звѣря, наподобіе мамонтовыхъ клыковъ. Я послалъ эти кости въ канцелярію министерства императорскаго двора съ предложеніемъ услугъ заняться въ окрестностяхъ изслѣдованіями, но получилъ посылку обратно съ краткимъ увѣдомленіемъ, что «кости эти весьма обыкновенны», но какому звѣрю и какой эпохѣ онѣ принадлежатъ—мнѣ не объяснили. Между тѣмъ въ окрестностяхъ Наславче, въ особенности по ту сторону, въ Подольской губерніи, именно по ущелью, гдѣ протекаетъ рѣчка Лядова — крестьяне находятъ интересные минералы. Въ статистическомъ описаніи Подольской губерніи ксендза Марчинскаго, т. 2, стр. 242, вотъ что говорится объ этомъ ущельѣ: «минералогамъ слѣдовало бы посѣтить здѣшній край для опредѣленія натуры и достоинства разныхъ минераловъ. Между прочимъ есть въ Днѣстрѣ камни, покрытые кремневымъ слоемъ, и значительныя кремнистыя массы въ скалахъ надъ рѣкой Лядовой, въ которыхъ находятся разноцвѣтные колчеданы, аквамарины, настоящіе рубины и множество темныхъ камней».

При впаденіи этой же рѣчки въ Днѣстръ, возлѣ селенія Лядовы, на высокой скалѣ, куда ведетъ крутая дорога по окраинѣ стремнины, и доселѣ существуетъ древняя церковь, высѣченная въ горѣ, въ которой въ извѣстные дни отправляется богослуженіе. Народъ стекается сюда изъ отдаленныхъ мѣстъ, и не одни простолюдины, что можно видѣть изъ безчисленнаго множества подписей, покрывающихъ камни, на русскомъ, польскомъ и французскомъ языкахъ. За церковью высѣчены также три кельи нѣкогда бывшаго монастыря, теперь пустыя, которыя высѣчены въ отвѣсномъ утесѣ саженьяхъ во ста надъ рѣкою. Возлѣ церкви изъ расщелины скалы постоянно журчитъ прозрачный источникъ, наполняя небольшой резервуаръ, откуда бросается въ пропасть и, разбиваясь о камни, дробится на миллионы брызгъ, пока не долетитъ до небольшой покатости, гдѣ образуетъ свѣтлый ручеекъ, извивающійся змѣею. Вездѣ, даже по угламъ утеси-

стой пропасти, отъ влажной пыли зеленѣетъ травка, и весь ручеекъ до самаго Днѣстра окаймленъ свѣтлозеленымъ бордюромъ.

Отправляясь изъ Наславче въ Лядову, я былъ изумленъ при выходѣ изъ села, очутясь въ улицѣ, обстроенной хорошевыми чистенькими домиками. Здѣсь, неизвѣстно уже по какой причинѣ, притаилась нѣмецкая колонія на помещичьей землѣ на особомъ договорѣ, и нѣмцы живутъ себѣ, сохраняя свой языкъ, нравы и обычай. Каждый день потому я заходилъ къ нѣмцамъ покупать свѣжее масло и сливки, всегда встрѣчалъ радушный приемъ и много смѣялся, какъ нѣмцы ломаютъ деревянный свой языкъ для объясненія съ руснаками. Обрабатываютъ они поля нѣсколько улучшеннымъ способомъ и, кромѣ земледѣлія, занимаются садоводствомъ.

У владѣльца разведенъ уже замѣчательный виноградникъ. Помѣщикъ не живетъ въ Наславче, а имѣніемъ управляетъ, на правахъ поссесора, образованный еврей, Р....чь, о которомъ еще буду имѣть случай говорить при описаніи Могилева.

Становясь нѣсколько глубже, Днѣстръ представляетъ уже здѣсь нѣкоторые шансы для рыболовства, хотя, надо сказать правду, оно въ совершенномъ пренебреженіи и на этой мѣстности. Средства у рыбаковъ ничтожныя, приемы допотопные, а лодки — тѣ же корыта, что и въ верховьяхъ, но все же здѣсь замѣтенъ шагъ впередъ сравнительно съ верховыми селеніями. Два—три раза пытался я отправляться на рыбную ловлю, но рыбаки отказывались неимѣніемъ времени, и мнѣ удалось только видѣть ихъ нечаянно за этимъ занятіемъ. Промыселъ не доставляетъ имъ особыхъ матеріальныхъ выгодъ, и еслибы не близость густаго еврейскаго населенія—рыбаки позабыли бы, какъ забрасываются сѣти. Евреи въ извѣстные дни требуютъ рыбы и не стѣсняются въ цѣнѣ, между тѣмъ какъ наши во время постовъ, которыхъ, кажется, и довольно, умѣютъ безъ нея обходиться.

Изъ Наславче поѣхалъ я прямо въ мѣстечко Атаки, но, выѣзжая изъ селенія, прошелъ пѣшкомъ нѣсколько верстъ по причинѣ крутизны и неудобства дороги, вьющейся по громадному ущелью, по берегу горной рѣчонки, на которой насчиталъ я, кажется, около пятнадцати мельницъ. Эти мельницы—небольшія клѣтки, и въ каждой изъ нихъ непремѣнно сидитъ еврей, обитающій съ семействомъ тутъ же, въ небольшомъ домикѣ. Вездѣ тѣнистыя деревья, пышная растительность, разнообразные утесы и возлѣ мельницъ толпы народа,

собравшагося для помола изъ окрестности. Взбирался я на гору, по крайней мѣрѣ, часа два, потому что заходилъ на мельницы, сидѣль и балагурилъ, прощаясь съ руснацкимъ племенемъ, которое обитаетъ еще внутри края, но по Днѣстру оканчивается. Выбравшись потомъ на почтовую дорогу, я спустился съ неменѣе длинной и крутой горы, превосходно обдѣланной и обстановленной деревянными перилами. При самомъ почти спускѣ, въ одномъ ущельѣ, устроена караулка и стоитъ пикетъ мѣстныхъ обывателей въ обезпеченіе проѣзжающихъ, потому что здѣсь когда-то случались грабежи. Мѣстность, дѣйствительно, весьма удобная для этой операціи.

При выѣздѣ изъ ущелья, прямо передо мною, блеснулъ Днѣстръ, принявшій здѣсь довольно порядочные размѣры; вправо показалось длинное мѣстечко, Атаки, а лѣвѣе, у крутыхъ и гребнистыхъ скалъ, блеснулъ крестами Могилевъ-Подольскій.